Новая Зона. Синдром Зоны

Автор:
Сергей Клочков

Новая Зона. Синдром Зоны

Сергей Александрович Клочков

Апокалипсис-СТНовая зона

Какой сталкер не мечтает о своем доме под проливными дождями Зоны? Кто из них не хотел бы выбраться из вечной грязи и смерти туда, где вместо вечных туч и мороси светит солнце, шумит прибой, где наконец можно отдохнуть и забыть о Зоне? Иногда мечта сбывается. Но почему тогда ночами опять приходят бешеные адреналиновые сны? И уже замирает взгляд, и больше не найти покоя под теплым южным небом, и зовет, зовет что-то нас обратно, в пыль и мрак, в тусклый свет, где в заброшенных домах мелькают кривые тени…

Что поделать, если у нас на двоих один синдром, одна судьба и одна дорога, стажер? Только ждать, а уж Зона, поверь, найдет способ позвать обратно.

Сергей Клочков

Новая Зона. Синдром Зоны

© Клочков С., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Часть 1. Дом

«…И к другим новостям. В Самаре подходит к завершению строительство микрорайонов Лопатино и Новая Дубрава. В рекордные сроки отстроено более двухсот пятидесяти современных многоэтажных зданий, выполненных по революционной сборной технологии. Были привлечены не только российские, но также итальянские и китайские строительные фирмы. Впервые в России были опробованы автономные строительные роботы китайского производства, и первые здания, созданные почти без участия человека, уже проходят государственную приемку. По предварительной информации мэрии, к ноябрю следующего года десятки тысяч семей смогут вселиться в новые благоустроенные квартиры. По-прежнему острым остается вопрос со строительством жилых зданий во Владивостоке, Чите и Красноярске. Правительство рассчитывает привлечь дополнительные инвестиционные средства. Также на повестку дня вынесен вопрос о вынужденном повышении подоходного налога до девятнадцати с половиной процентов и экстренной национализации крупнейших энергетических компаний. Законопроект будет внесен на рассмотрение на следующем слушании, но парламентарии убеждены, что подобные меры являются временными, и по выходе из острой фазы кризиса налоги вернутся к привычным для нас цифрам. Мониторинг Московской, Кыштымской и Новоземельской Зон показал, что в ближайшее время не стоит опасаться резкого расширения границ аномальных территорий. Ряд ученых высказывают осторожные предположения о грядущей стабилизации Зон и даже, с некоторой вероятностью, их постепенной самоликвидации. В нашей студии сегодня находится представитель пресс-службы НИИАЗ, младший научный сотрудник Роман Викторович Бельков, который и расскажет нам о том, при каких условиях аномальные территории теоретически смогут стать обычными. Итак, предоставим ему слово…»

– Не, не нужно ему слово предоставлять. Ничего нового он нам не скажет. – Я убавил громкость в телевизоре до минимума и, оставив Романа Викторовича бесшумно, но при этом солидно шевелить ртом в камеру прямого эфира, вышел на террасу. В какой уже раз эти как бы ученые высказывают эти свои предположения? Наверное, в седьмой, не иначе. Правда, если самые первые прогнозы на камеру были уверенными и строгими, то где-то на пятый раз они стали уже допущениями, «по некоторым данным, достаточно вероятными». Да, точно, хорошо помню это официальное заявление, когда на Новой Земле

жахнуло, как раз над бывшим полигоном. И в прошлый раз вот тоже – «по некоторым данным, дальнейшего роста не ожидается», – хотя это был скачок Невадской Бездны сразу на полторы сотни квадратных километров. И теперь нате вам – уже «осторожное предположение». Не было у них раньше этих самых «осторожных». Всякое было. Репортаж о Вспышках над Москвой, который потом уже не повторяли. Потом бравый отчет об эвакуации, но при этом натужный какой-то, дерганый. Интервью с профессором одной экспедиции. Той, которая, собственно, одна из всех московских и вернулась. И в общем-то поначалу излагал профессор уверенно, спокойно и без бумажки. А потом оператор зачем-то крупный план дал, и зря он это сделал. Лицо профессора заметили, нельзя было не заметить, от чего вся бодрая речь сразу пошла насмарку. С тех пор, собственно, и завел НИИАЗ себе особый отдел с «младшими научными», точнее, конечно, не сам завел, а по требованию свыше. И приносили нескольким новым «сотрудникам» правильные бумажки, делали они профессионально-качественное лицо и болботали с экранов успокоительные мантры. Хотя это тоже надо – работа у них, по сути, нужная. Нельзя, чтобы население еще раз глаза того профессора увидело, просто нельзя, и все тут. И не узнают теперь рядовые граждане от пресс-службы НИИАЗ ни про маленькую такую и пока еще секретную Воронежскую Зону размером всего километр на полтора, ни про недавно обнаруженные «слабоактивные очаги» на Ямале и в Норильске, ни про «северное сияние» над Семипалатинском. Населению подготовили очередные «осторожные предположения», которые означают лишь то, что Зоны растут, ученые все так же ни бельмеса не понимают, а дальние экспедиции не возвращаются. НИИАЗ же, как и годы до того, демонстрирует энергичный общепримиряющий бег на месте. Ну, не хотят Зоны, чтоб их формулами и расчетами понимали. Если их вообще понять можно…

А я и сам тоже хорош, нечего сказать. Вместо того чтоб заняться делом, точнее, даже делами, сижу и смотрю телевизор, причем без звука. Умеешь ты, Лунь, побыть лодырем, нравится тебе это занятие, что уж греха таить. Но, правда, на сегодняшний день у меня имеется ряд оправданий: статья для еженедельника НИИАЗ готова, лекция, в общем, тоже, хотя и не на бумаге. Получу я когда-нибудь по шапке от Яковлева за такое отношение к обязанностям, он на раздачу скорый. Впрочем, я его сразу предупреждал – толку от моих так называемых семинаров не будет, потеря времени. Он кивнул так задумчиво, вроде как даже согласился, но все-таки настоял на продолжении этих самых «вебок». Надо, говорит, надо, помоги ребятам. Хотят именно тебя слушать, на хорошем счету ты, мол. Доверяют. Завтра вон в пять вечера прямой эфир назначен, подумать только, сразу с полусотней вояк. Смешно даже. Лет семь назад они по мне постреливали периодически, а теперь я им же через интернет умные лекции

читаю, как в Зоне выживать. Просил я, ох как просил Яковлева – мол, побойся ты бога, академик, отмени этот бред, чушь собачью, какие, на фиг, могут быть семинары по такой теме, там теории нет и быть не может. А он очки поправит, глянет с высоты своего богатырского роста и ухнет знаменитым голосом, что, мол, шалишь, сталкер. Нет, не отменю. Пусть даже пользы, как ты говоришь, нету, да и слышал я, что ты там мелешь, однако не отменю. Группы после тебя чуть лучше выживают, Лунь. Примета у воинов теперь – после семинаров этого седого мужика из Зоны больше народу вернется. Эх, Яковлев, подлец ты, в сущности. Ничего я солдатикам и студентам вчерашним не смогу дать на этой дурацкой видеоконференции. Я это понимаю, и ты ведь тоже, зараза, понимаешь не хуже меня. А я потом каждую смерть на тех лютых землях и на свой счет тоже запишу, инструктор липовый, сталкер, понимаешь, на удаленке. Эх… если бы вернулся какой воин оттуда, приехал в гости и за все хорошее мне высказал по морде, то, наверно, куда проще мне было бы в плане совести. Может, тогда бы Яковлев меня правильно понял и все отменил.

Впрочем, приезжал как-то один лейтенант, было дело. Шрам на пол-лица, глаза одного нет, рот скосило ожогом. Думал, сейчас он меня ломать начнет, уже сгруппировался. А тот ящик коньяка из багажника на стол бух, обнял по-медвежьи и, слова не давая сказать, выдал: «Спасибо, кореш, за друганов моих спасибо, за взвод мой, и вообще всем своим скажу, чтоб тебя слушали. Не смотри, что рожей пригорел, это по глупости, сам виноват. А то, что если Вспышка в синеву отдает и грозой пахнет, то не в окоп и не в блиндаж надо прятаться, а на дерево лезть, это ты верно, братка, сказал. Соседи под землю полезли, как по уставу положено, где и спеклись мозгами, а я своих пацанов на вышки загнал, и все живы. Все мои живы, братка. От наших ребят тебе вот, это вкусно, угощайся». Посидели мы с ним, поболтали за жизнь, небольшую часть подарка в процессе приговорили, и попросил я его у бойцов своих агитацию провести, с Зоной завязать чтоб насовсем. Второй такой удачи не будет, не дает обычно эта тетка другого шанса. Вроде послушал он меня. Но и он попросил семинары не бросать. Нужны, мол, нужны «пацанам все твои расклады с картинками, братка».

Эх, боец… знал бы ты, как меня подташнивает перед такими «лекциями», а еще сильнее – после них. Каждый раз в самом начале дурацкого своего семинара говорю им, чтобы ни шагу туда не делали, думать про это забыли, о родителях или, там, невестах своих вспомнили. Что на сыновьях с дочками потом скажется, паскудная там лотерея выходит с детьми после того, как родители по Зонам работали. Что если самих не убьет, так изуродовать может страшно. Чтоб завтра же никаких контрактов. Но… кивнут понимающе, улыбнутся в камеру, мол,

понимаем, традиция, а теперь, товарищ инструктор, что можете сказать о признаках пространственных искажений на маршруте? И записывают, слушают, кивают бритыми затылками или строгими косами и каре. А куда им деваться? Военному сталкеру через два года службы государственная квартира положена, не во владение, ясное дело, но целая квартира, двушка или даже трешка. По нашим временам за одно только это любой семейный воин, не раздумывая, страшную свою бумажку подмахнет, больше скажу, конкурентов локтями распихает, если придется. А там и пенсия нешуточная. Зарплата тоже. Ведь у них семьи, дети, и многие до сих пор в общагах и по родственникам ютятся, с тех пор как Зона по столице разбежалась. Вот и идут в гиблые земли – экспедиции сопровождать да на блокпостах дежурить. А я не могу обо всем предупредить, не профи я, ну вот ни разу не профи, обычным бродягой был, просто обстоятельства тогда удачно сложились. И Хип туда же: «Лунь, ты должен. Старайся. Меня водил, много водил там, видишь, я до сих пор живая. И они живые будут. Может, их Зона пожалеет, когда о тебе вспомнит. Тебя-то она любила, при мне признавалась». И как током от этих слов, совсем девчонка берегов не видит. Злюсь, а она улыбнется так, в плечо уткнется, и все. Куда там злиться…

Все, телевизор на фиг. Давно пора было, кстати. Тем более что на улице южный май, глициния фиолетовым водопадом сразу за окном, и сквозь ее фантастический аромат едва пробиваются нотки прохладного йода – дышит море дневным бризом, дышит негромко, но могуче, свежо. А сверху бесконечное небо, и льдистая синь режет глаза – два полных года уже, как ушел из Зоны, от низкой серой хмари над головой, а до сих пор не могу ни привыкнуть, ни насмотреться досыта. Шумят под морским ветром острые башенки кипарисов, темных, густых, а вниз по холму, вдоль узкой, только нашей тропинки, засыпанной гравием и ракушечником, разрослись дикие, ни разу не стриженные заросли терна и белой акации. Но море все равно видно, синий, под стать небу, клин с белыми барашками пены, и даже часть дощатой купальни на берегу. Вода еще чуть холодновата, май в этом году был почему-то поздним для Крыма, но если прихватить полбутылки белого сухого и кусок домашнего сулугуни, то можно и просто посидеть на лавке у самой кромки прибоя. Замечательно можно посидеть. Сбывшаяся мечта часто становится прогорклой, как перестоявшее на свету масло, но, наверное, не в моем случае. Домик, не очень большой, конечно, но именно такой, который и грезился в грязи и мраке дальних походов: огромные окна, светлые комнаты, широкая, просторная веранда. Почти все, что отсыпала мне Зона от своих щедрот, превратилось в белые стены с узором из голубой плитки, маленький бассейн на заднем дворе и запущенный, старый сад из грушевых и персиковых деревьев, которые были старше и домика, и меня с

Хип, вместе взятых. Срубить деревья при постройке я не позволил, хотя подрядчик утверждал, что большого толку от сада уже не будет. Также не разрешил я снести серые, облупленные, но все еще крепкие флигель, беседку и летнюю кухню, оставшиеся от развалин старой, советской постройки усадьбы какого-то генерала. В ремонте они если и нуждались, то разве что косметическом, на который я отвлекался в качестве отдыха в виде смены занятий. А садом, теперь уже нашим садом, потихоньку занималась Хип: что-то подпиливала, что-то читала на сайтах, с интересом ковырялась на нескольких узких грядочках – и время от времени на столе появлялись пучки тонкого шнитт-лука и хрустящие красные ядра редиса с легкой перечной горчинкой. Кстати, должна она скоро уже и подъехать. Голодная будет, уставшая, но довольная – нравится ей на радио, кто бы мог подумать. Диджей с веснушками – на юге они чуть заметнее стали. А вот слегка бронзовый загар Зоны так и не сошел, разве что изменился немного. Как и у меня, в общем. Посижу чуток, подышу морским воздухом, пока бутылка не кончится, да и пойду ужин сочинять. Нравится Хип лаваш с чили и нарубленным жареным мясом под безалкогольный «Мохито» – ну, значит, так тому и быть. С работы добытчица возвращается, не то что я, бездельник. Ну а пока время еще есть, надо попробовать…

«Пенка…»

Закрыть глаза, очистить голову от мыслей, совсем, до гулкой, пустой тишины, до темных облаков под веками. И в тишине, в самой глубине сознания, тоненькой серебряной стрункой – единственной мыслью в глухом теплом молчании – зов…

«Пенка!..»

Тишина. Чувствую, знаю, хоть и нет зрительного мыслеобраза, – живая она. Но тишина, тишина, опять ни одного знака от Пенки, ни одного слова. Не отвечает. Ну, еще раз. Сильнее. Ярче. Дальше…

«ПЕНКА!..»

Есть. Из клубящейся черноты закрытых век бледным призраком выступил лик – белая, как свежая известь, и гладкая, как фарфор, кожа. Огромной, черной бездной левый глаз и правый – раскосый, смешливый, и лицо совсем как у человека, только нос и рот маленькие, изящные даже. Оскалилась – улыбка хищная, зубастая, – узнала, значит, радуется так. Волосы отросли сильно, не

подстригает уже, как раньше, и под пепельной волной теперь не видно лобных бугров псионика. И дрожит, дергается рябью изображение – ага, вон и травка речная мелькнула, – в воду, значит, Пенка смотрится, так и «транслирует». Но молчит. Давно молчит. Неужели все слова забыла, неужели уходит в свою собственную природу, на которой никак не приживется человеческий росток? Жаль, если так… хотя внешне не изменилась совсем. Все та же.

«Пенка, поговори со мной, не теряйся».

И опять веселый оскал, смешной прищур синего правого глаза. Сморщила нос, мотнула гривой волос, снова зубы, и ухнуло вправо изображение, смазалось клубками, исчезло. Все та же тишина. Молчит. И чувствую мягкий разрыв связи, уходит Пенка, не хочет говорить. Или, что намного хуже, уже не может.

Вздохнув и поболтав на свету остатки сухого испанского, я не стал доливать их в стакан, а принял прямо так, методом «горниста». Эх, Пеночка… псионик ты наш, дитя Зоны. Дичаешь без живого общения, отдаляешься. И проблема не в сотнях километров до тех земель, где ты охотишься и отдыхаешь, нет – мысль, правильно собранная и отправленная, долетит. Раньше-то мы нормально общались, сама сколько раз меня звала, бывало, сутками на связи. Ведь это ты меня научила там, в Зоне, и когда с того света вытаскивала, и потом, когда берегла нас на гранях мира. А теперь или вообще не дозовешься, или вот так. Забирает тебя Зона у нас, ревнует, видно. Не хочется даже думать, что однажды ты меня просто не услышишь.

А пока пяток говяжьих стейков на большую сковороду, и прожарить как надо, крепко, с корочкой, но не в подошву – нет, никак не приучу я себя к правильной готовке этого блюда. Представив укоризненный взгляд Яковлева – «что ж ты с мясом творишь, ирод?!», – я усмехнулся и добавил жара: что поделать, если любим мы «неправильный» стейк. Порубил в отдельную посудину маленький кочан китайской капусты и занялся острым соусом. Да, не полезно. Да, не бывать мне шефом какого-нибудь «стейкхауса», но горячий, обжаренный до хруста лавашный «конверт» с нарезанным в соломку плотным мясом, домашним соусом, овощами и свежим халапеньо тонкими колечками – именно то, что любит Хип после трудного денька. Да и я, чего греха таить, разделял подобную любовь к странной пище. Семейный рецепт теперь, да.

Входная дверь стукнула, когда я уже заворачивал последний «конверт». Ну, удачно пришла, как раз к горячему.

– Привет, Лунь!

– Здравствуйте, товарищ диджей. Картошка готова. Садитесь жрать, пожалуйста.

Хип. Не, совершенно не меняется девчонка, хоть и за двадцать уже, а все та же, как и Пенка.

– Совсем не растешь, стажер. Кушаешь плохо. Тощая, однако, – сказал я как можно печальнее и, подпустив холодной критики во взгляд, осмотрел девушку с ног до головы. – Никуда не годится. Скоро от своих радиоволн качаться начнешь.

– Это я-то плохо кушаю? – И смех, и веснушки на носике, светло-русая, чуть высветленная крымским солнцем коса. – Смеешься?

И тут же прыжок, захват за шею, уверенный такой, повисла на плечах. Да, тоненькая, но сила вполне ощутимая у стажера имеется. В форме, скажем так. Перехватив Хип, как чемодан, под мышку, понес на кухню.

– Как день прошел, диджей?

– Да нормально. Жаль, попсы много стало, и ведь надо продвигать. Сделали черт-те знает что из хорошего радио. Тоже мне рокеры липовые. Я с ними ругаться буду. – Девушка попыталась вывернуться, легонько куснула за ухо, но я держал крепко. – Эй, сталкер… так и будешь меня, как кота, таскать? Ну что за дела такие?

– Дела житейские. А ругаться не надо. Просто гни свою линию, это твоя собственная передача. По ходу, народ ее в основном и слушает из всего репертуара.

– Если ты слушаешь, то это не значит, что все. Я ведь им хорошую, правильную музыку ставить пытаюсь, чтобы думали. А мне сегодня главный и говорит, что рейтинг, конечно, у тебя очень гут, но надо и тунц-тунц тоже хоть изредка врубать, люди требуют. О… их ли я вижу?

– Шаверма фирменная «Паленый сталкер», прошу любить и жаловать.

– Лу-унь!.. Спасибо! Вот веришь, так именно этого хотелось, пока домой ехала!.. Да поставь же ты меня на пол уже…

– Минералка только не охладилась еще, но это быстро.

– Да ну, брось, какая минералка… там у меня в багажнике местное красное, Надька с отдела рекламы принесла.

– Крымское?

– Да не морщись ты… да, крымское. Но не такое, как в магазе. У Надьки дед с советских еще времен сам делает, мастер. Щас приволоку. Попробуешь – офигеешь.

Да. Действительно, мастер. Рубиновая жидкость приятно согрела рот мягкой терпкостью, вино оказалось не приторное, без «тряпки», запах чистый и как будто даже с ноткой чернослива – надо же, действительно класс. Молодчина дед Надьки. Порадовал.

– Познакомишь?

– С Надькой? – Хип усмехнулась, ткнула кулачком в бок.

– Не. Мне бы на деда ее выйти, я бы заказал в наш маленький погребок этой амброзии. Шикарно. Не ожидал.

– А я о чем? Хорошо, попробую договориться. А под «Паленого сталкера» эта штука в самый раз зайдет.

Я не нашел, что возразить. Хип же проворно достала две свечки, бокалы, щелкнула выключателем, и кухня погрузилась в мягкий трепещущий полумрак.

– Что с Пенкой? – спросила она тихо и серьезно. – Не звал сегодня?

– Звал. Все то же. Только контакт еще быстрее порвался, чем позавчера.

– Речь?

– Вообще никак, совсем. Меня еще узнает, это видно, но не знаю, надолго ли.

– Нам в Зону надо, Лунь. Найти ее, поговорить вживую. Это поможет, я знаю.

– Яковлеву это скажи. Все, стажер, вцепились в нас крепко. Я уже несколько раз писал заявления на сопровождение, но служба безопасности аж на дыбы встает. Не нравлюсь я им конкретно, да и Яковлев никогда не позволит. Только удаленка.

– Это из-за того, что…

– Да. – Я прикоснулся к голове, где уже много лет не было ни одного темного волоса. Все, что на скальпе, давным-давно белое, аж в синеву, разве что брови да щетина нормальные, все еще «цветные». – Видишь ли, и по стажу, и по всем признакам я «измененный». Ну, не докажу я научникам, что в остальном вполне нормальный сталкер. Таким, как я, доступ в Зону закрыт навсегда. И с таких, как я, НИИАЗ теперь не слезет до самой смерти – им все надо. И инструктажи, и книги, и воспоминания до последней запятой. Спасибо, что хоть «лечащий ученый» именно Айболит, а не какой-нибудь кусок кабинетного профессора.

– Знаю. Измененные уходят в Зону и часто не возвращаются. Это синдром, – тихо проговорила Хип. – Я ведь тоже из них, Лунь, это еще Айболит говорил. Не так сильно, как ты, но тоже. Получается, и меня не пустят. Да и ты одну не отправишь, знаю я тебя.

И смотрит. Туда, на север, смотрит Хип, словно сквозь стенку дома. Улыбается молча, и знаю я сейчас, какие у нее глаза, хоть при свечах и не видно. Замечал я этот взгляд. Возится с грядкой, или розы подрезает у террасы, или книжку читает в беседке – но вдруг замрет. Выпрямится. И долго-долго смотрит на север, по-особенному так смотрит. И не тоска, не горе в этом взгляде, нет, а словно жажда или притяжение какое-то. В немногих осколках памяти вот так же в детстве, после сказки, мы смотрели на далекую полоску леса, где, как нам рассказывали взрослые, водятся привидения и настоящие, но добрые лешие и говорящие звери. И жутко, и сладко, и тянет туда, замирает взгляд, силясь рассмотреть волшебство в дрожащей зеленой линии у горизонта. Вот и Хип сейчас туда смотрит очень похоже. На север. Но никогда не говорит зачем, да я

и не спрашиваю. Потому как она замечает и мои взгляды. Такие же, что там говорить…

– Слушай, Хип… а может, она и не хочет с нами, людьми, общаться? Может, там без нас в тысячу раз лучше? Зачем ей, в сущности, общение с человеком? Выглядит счастливой, серьезно, и ей не нужно вот это вот все.

– Я об этом тоже думала, сталкер, – кивнула девушка, невесело улыбнулась. – Люди, знаешь, не подарок для существ Зоны. Они и для других людей часто не подарок совсем.

– Попробую спросить в следующий раз. Завтра к вечеру. Но… не хотелось бы разбегаться. Привязался я к ней.

– И я, Лунь. У меня даже чуть получалось раньше с ней говорить, знаешь. Она меня тоже научила немного. Сейчас совсем не слышит, вообще. Хорошо, что ты еще можешь… дозвониться. Кстати, ты сегодня опять к морю ходил?

– Да, было дело.

– И телефон, конечно, не взял. А мне, между прочим, Проф звонил, тот, который Зотов. Говорил, что ты трубку не берешь. Приедет на днях на плановый осмотр. Может, даже завтра – он в Севастополе был, на конференции.

– Отлично. Приятный дед. Надо бы его задержать хотя бы на пару деньков. Вода у нас из скважины отличная, осталось только чаю хорошего достать, как он любит. Только смотри, при нем про Айболита не вспоминай – «зонные» имена не у всех ученых в чести, как бы не обиделся. Так что профессор Зотов, Игорь Андреевич. На крайний случай Проф, как мы его в первый раз звали.

– Да Айболит он вылитый! – Хип прыснула в кулак. – Хоть завтра в детский фильм без грима.

Я тоже улыбнулся. Имя свое у сталкеров профессор получил сразу же, в первый день работы. Строго говоря, Айболитов в Зоне было двое. Чтобы не путать, сталкеры со временем дали им отдельные титулы. Айболитом Первым был Иван Аскольдович Мелихов, ксенобиолог, рассеянный и добродушный специалист по

водной фауне. А потом в Зону прибыл еще один ученый, который и стал соответственно Айболитом Вторым. Сталкеры для смеха даже стали ждать нового пополнения полевых сотрудников, чтобы открыть, как они выражались, ветеринарную династию, но не сложилось. Мелихов вскоре был откомандирован в Челябинскую Зону, и Зотов стал единовластным носителем почетного имени. И надо сказать, соответствовал он ему на все сто. Очки в металлической оправе, круглые, таблеточками, аккуратная седая бородка клином, усы вразлет и чуть кверху, мягкая речь и бесконечно добрый взгляд поверх стекол. Высокий, довольно худой, и часто видели его порывистую стремительную походку то в лаборатории полевых образцов, то у микробиологов, то в госпитальных модулях. Несмотря на прозвище, медицинского образования у Зотова не имелось – профессор был биолог, причем не простой. Пожалуй, лучшего специалиста по гуманоидным формам жизни, а также последствиям влияния Зоны на млекопитающих в НИИАЗ просто не было. Вместе с микробиологом Иошихиро Такаги, ботаником Люсьен Мерсье и физиологом Яном Стефанидисом профессор Зотов составлял четыре главных столпа всего биологического отдела НИИАЗ – все четверо были полевыми учеными, теми, кто непосредственно работал в Зонах, где, рискуя жизнью, неделями жил в заброшенных вертолетом тесных жилых и лабораторных модулях. И уже их работы, материалы, исследования и заключения рассматривались целыми стайками кабинетных специалистов, чья деятельность, скрупулезная и методичная, конечно, была исключительно важна, но без работы этих четверых стала бы невозможной. Полевых ученых раньше было, конечно, гораздо больше, о чем до сих пор говорят высокие траурные обелиски из лабрадорита во внутренних дворах зданий НИИАЗ. Однако этих четырех «ботаников» Зона как будто не трогала. До тех пор, пока в прошлом году не пострадала профессор Мерсье, отравленная выбросом спор паразитного гриба. Помощь пришла вовремя, и француженка не только выжила, но и почти полностью восстановила здоровье, но в том же году руководство Института ввело новые правила: теперь ни один ученый не мог работать непосредственно в Зоне больше двух недель в год. Для сбора информации и образцов этого почти всегда хватало, в остальное же время ценный сотрудник становился «кабинетным». Зотов, впрочем, при нас не возражал – собранного им материала хватало на две научные жизни, и на отсутствие работы жаловаться не приходилось. Тем более что одним из предметов очередной монографии был сталкер Лунь, представлявший для науки интерес не только в качестве автора, инструктора и более чем странного лектора, но и как «хомо сапиенс зоникус» с любопытным организмом.

* * *

Зотов приехал утром, в десятом часу. Водитель институтской «Газели» выгрузил у ворот несколько объемистых научных ящиков с оборудованием и выпустил из салона лаборантку профессора Машу, за которой вышла группа незнакомых мне молодых «научников». С плохо скрываемым любопытством рассматривая меня из-за заборчика, они что-то начали обсуждать вполголоса, разминаясь после, видимо, долгой поездки. Помочь профессору и Маше дотащить увесистое оборудование до дома никто из них, что интересно, не догадался. Зотов осмотрелся, легко подхватил два больших металлических саквояжа и двинулся к дому своей стремительной, слегка подпрыгивающей походкой.

– Доброго утра вам, уважаемый Андрей Владимирович! Нет уж, извините, сам! – Профессор ловко увернулся от моей попытки перехватить явно тяжелую аппаратуру. – Ноги, к счастью, все еще носят, а руки держат. Да-да, благодарю вас, впрочем… ага, помогите-ка Марии Александровне. Все-таки дама.

– Не-не, не нужно, – тихонько, почти по-мышиному пискнула миниатюрная Маша и почему-то густо покраснела. – У меня только чемоданчик. Спасибо. Там… еще коробки.

– Профессор, я совсем не воспринимаю… паспорт, – хмыкнул я на «Андрея Владимировича». – Как будто и не ко мне обращение, честное слово.

– Ну, я человек старой школы, – профессор искрометно улыбнулся, глянув поверх очков, – и поэтому все время забываю, что вы индейцы. Проф, он же Айболит, извиняется, о Лунь. Хао. Где же ваша несравненная скво?

Со смешком Зотов легко взбежал по ступеням, брякнули саквояжи, а я уже шел с большой коробкой, в которой что-то массивно звякало и пыталось перекатываться.

– Купается в море, хотя оно сегодня холодновато, только двадцать два. Сейчас прибежит.

– Ой… а можно мне тоже? В море? – совсем тихо спросила Мария Александровна. – Я ведь прямо сейчас вам не нужна, Игорь Андреевич?

– Маша, смело отдыхайте, – кивнул профессор. – Когда еще вырветесь на пляж. Я вас негласно освобождаю от обязанностей лаборанта на все время

командировки. Но, разумеется, об этом следует помалкивать в Институте. Официально вы трудитесь. Ясно?

– Ясно! – Маша просияла и прямо с чемоданчиком бодрой рысцой побежала вниз по тропинке. Мне стало понятно, что в небольшом багаже лаборантки явно не было никаких научных материалов.

– Рад вас видеть, профессор. – Я протянул руку и ответил на крепкое пожатие узкой сухой ладони. – Очень бы хотелось, чтоб вы задержались. С завтрашнего дня чудесная погода намечается. Рекомендую.

– Взаимно, друг мой, взаимно очень рад. Спасибо. Однако, как гласят мудрые, любые гости становятся несносными на исходе второго дня.

– Только не в вашем случае, Игорь Андреевич. В любое время и на любое время. Дом достаточно просторный для всех людей, которых я действительно хочу видеть.

– Спасибо, да… домик у вас, и верно, очень хорош. Не буду скрывать, мне нравится у вас бывать. Отличный вид, отличный климат. И отличная компания, разумеется.

– Вот и хорошо. Спальня прямо, и за ней еще две комнаты полностью в вашем распоряжении. Маша может занять гостевую.

– Сталкер в своем поместье. Надо же, как любопытно. – Профессор улыбнулся. – Я так полагаю, именно об этом домике вы и говорили тогда, несколько лет назад, когда мы встретились на станции «Позитрон»?

– Точно, о нем. Мечта, Игорь Андреевич. Можно сказать, сам его нарисовал. Коряво, конечно, но архитектор попался хороший, все понял правильно. Восемь комнат, под крышей еще четыре, люблю просторный жилой чердак. Хорошая жена, хороший дом – что еще надо человеку, чтобы встретить старость?

– Полагаете? – Улыбка Зотова стала немного задумчивой, он внимательно посмотрел мне в глаза. – Что-то мне подсказывает, что вы, к счастью, не становитесь помещиком. Я каждый раз вижу все того же человека, Лунь.

Пропахшего Зоной и с пугающим взглядом. И каждый раз немного опасаюсь увидеть… другого.

– Проф, да я в курсе, что измененный. Синдром Зоны…

– Нет, дело не в этом. Ну, не только в этом. Впрочем, ладно. Пойду отпущу водителя, а заодно и коллег. Кстати, сталкер, я у вас все-таки не смогу погостить нормально, несмотря на столь любезное приглашение. У меня только два дня, после чего мы всей группой отправляемся в Беларусь. Брагин, седьмой отдел НИИАЗ. Требуется мое участие. Очень, очень странные там дела, скажу я вам.

– «Метастаз»?

– Да, да… хотя сравнение неправильное. Там Зона хоть и вторая по, скажем так, возрасту, но совершенно особая и независимая. Довольно тихая и стабильная, и очень повезло, что при ее появлении никто не погиб, так как местность там не населена уже очень много лет. От Гомеля на юг, где в основном накрыло бывший радиологический заповедник. Болота, лес… а несколько жилых поселков были эвакуированы четко и в срок, можно сказать, за полгода до первых Вспышек. Хоть на что-то действительно полезное наш НИИАЗ сгодился. В Москве бы так…

– А что со сталкерством? – поинтересовался я.

– Как и раньше. Почти никого нет. – Профессор достал ПМК, несколько раз провел пальцем по экрану. – Мы отслеживаем… так… так вот… За два последних года всего два, опять же, случая, оба задержаны на выходе, в данный момент сидят. Бедная в плане аномальных образований местность, крайне бедная. Несознательному элементу… кгм, Лунь, не к вам относится… можно сказать, нерентабельны вылазки в ту Зону. Да и законы там относительно вашего брата очень суровы. Зато богата местность на материал, который представляет интерес уже для нас, биологов. Хотя некоторые образцы, скажем так, не к ночи будь помянуты.

Профессор снял и аккуратно протер очки, затем порывисто поднялся и вышел из дома. Через некоторое время послышался звук мотора отъезжающей «Газели».

– Все, отправил. – Профессор вернулся, с досадой махнул рукой. – Не будет толку с этого пополнения. Со всеми пообщался, но, увы, результат печален. Некому передать дела в случае чего.

– Игорь Андреевич, не рано ли об отдыхе задумались?

– Я не об отдыхе, сталкер. – Зотов стал очень серьезен. – На пенсию я не собираюсь, пятьдесят шесть лет для меня, к счастью, еще не возраст, врачи даже хвалят. Я о другом. Сами понимаете, Зона…

– Мой совет еще что-нибудь значит для вас, профессор?

– Разумеется, Лунь.

– Так вот послушайте его. Никогда не говорите вслух и не записывайте нигде таких мыслей. Никогда и нигде, и донесите это ассистентам и коллегам. Это не суеверие или тому подобная блажь, так как я много раз видел, что это работает, просто примите на веру. Не говорите и не пишите, что вы погибнете в Зоне. Не говорите и не пишите, что вы там выживете.

– Знаете, это все просто приметы, так что, право… – Зотов осекся. – Ох… ну и взгляд у вас, Лунь. Вы не шутите, это видно. Хорошо, я последую вашему совету, хотя и не вижу в нем никакой практической пользы или логики.

– Игорь Андреевич, пусть так. Но все-таки прислушайтесь.

– Обряды, традиции, ритуалы… узнаю ветерана Зоны. Добро. Обещаю сплясать все рекомендованные вами танцы с бубном, раз уж надо. Хотя и сам не верю и тем более не могу обещать, что ко мне прислушаются коллеги, – репутация суеверий, знаете ли, не слишком высока. Решат, что я начал чудить на старости лет.

– Отправляйте их тогда ко мне, за внушением. Зря я, что ли, зарплату получаю?

Зотов рассмеялся, кивнул, затем открыл один из саквояжей и начал раскладывать приборы.

– Однако я ведь тоже на зарплате, а работа все еще стоит. Знаете, Лунь, приступим сначала к делам, а уже потом чай, беседа и торт, полагаю, что неплохой, сам выбирал. Итак. Память не вернулась к вам?

– Изменений нет. Все, что было затерто, таким и осталось.

– Так и запишем… м-да. Индуцированная очаговая амнезия от пси-шока, восстановления не наблюдается. Посмотрите в это окошко… теперь другим глазом… так, хорошо, глазное дно в норме. Замечательно. Знаете, некоторые пережившие ваш опыт, к сожалению, часто слепнут, но у вас все отлично. Теперь подержите эти электроды…

Я взял в руки две серебристые палочки, и очередной прибор, негромко пискнув, начал выдавать ленту с графиком.

– Пишем дальше. Тотальная депигментация волосяного покрова на голове сохраняется. Седой как лунь, подмечено верно. Позвольте?

Щелкнули ножницы, и маленький пучок волос упал в пластиковую пробирку. Зотов вытащил скарификатор, быстро ткнул острием в палец, и еще в три пробирки попало по нескольку красных капель.

– Как в больнице, – усмехнулся я, прижимая пропитанную спиртом вату, – надеюсь, другие анализы не нужны?

– Нет, пока не надо. Разве что в эпидемиологическую станцию, но думаю, что вы хорошо моете овощи и фрукты. Придержите крышку, так, осторожнее. Там жидкий азот – кровь нужна максимально свежей. Теперь посмотрим тензометрию искажений. Расслабьтесь, посидите неподвижно, это долгая опера.

Я откинулся на подушки дивана и даже начал немного дремать под тихие попискивания и трели мудреной техники. Замеряют сталкера на разную зонную гадость два раза в год, по графику. Гадости, правда, все никак не найдут, но изменения держатся. Слышу, как бегает по бумаге профессорская перьевая ручка, и даже примерно знаю, о чем повествуют удивительно аккуратные, почти каллиграфические строки. Все в наличии: легкий и совершенно незаметный простому глазу загар сталкера. Чуть другой рисунок мозговых пиков на графике. Циферки на тензометре немного выше, чем полагается пространству и времени

вдали от Зон, но этим уже, по словам профессора, «можно пренебречь». И то, что приборами не замерить, – бешеные, адреналиновые сны-фильмы, где дождь, серое небо и скорбные окна погибших домов. Синдром, как его называют кабинетчики НИИАЗ, дипломированные психологи и мозгоправы. «Я так понимаю, не хотим поправляться? В каком смысле не страдаете?..» И об этом профессор напишет в своей книжке, непременно напишет.

– Игорь Андреевич! Здравствуйте! – Хип, свежая после купания, ветром влетела в зал и, к немалому смущению профессора, быстро чмокнула того в щеку. – Мы вас ждали! Китайский высокогорный чай уважаете? Есть зеленый, черный!

– Черный, пожалуйста. – Зотов улыбнулся в бороду, опустил глаза. – Однако…

– Вот вам и скво, – я притворно нахмурил брови, – совсем от рук отбилась. Безобразие.

– Домостроевец. – Я тоже получил короткий, солоноватый после моря поцелуй. – Верите, профессор, совершенно невыносим в быту. Как исследования?

– Идут. – Я глазами указал на саквояжи. Хип сама достала штатив с пробирками, сверилась с маркировкой. Секунда – и девушка, даже не поморщившись, сама уколола палец скарификатором.

– Сколько, профессор?

– Достаточно пяти-восьми капель в каждую. Спасибо. Теперь несколько волос на химический анализ. С вами, право, приятно работать, сталкеры. Все почти сами, и лаборантка не нужна. Как в целом самочувствие? Что беспокоит?

– Самочувствие исключительное! – Хип задорно улыбнулась. – Не болеем.

– А как с инфекциями? Было что за эти полгода? Какие-либо недомогания, кожный зуд, нарушения сна, аппетита?

– В феврале подцепили грипп, оба. Хип притащила из своей, понимаешь, студии. Немного пришлось поваляться и попить чаю с вареньем, но через три дня уже все в порядке было.

– Это хорошо, очень даже. Жалобы какие-нибудь есть еще?

– Ну, кое-что имеется. На руководство Института, например.

– Понимаю, Лунь, понимаю, правда. Но ничего не могу сделать даже с официальным запросом, и даже если попрошу его лично, как хорошего старого друга. Никак вам не помогу, несмотря на то, что академик Яковлев, по весьма достоверным слухам, массово привлекает бывших сталкеров. В первую очередь для изучения Москвы. А уж если Гавриил упрется, то это все. Не человек – сталь.

– Гавриил?

– Ох… прошу прощения. – Профессор немного смутился. – Но, право, как же метко вы его прозвали. Прижилось имечко даже в академической среде. Мы и сами его между собой так величаем, и-и… иногда проскакивает. Ну-с, Алена Андреевна Архипова, она же Хип, подпишите вот тут и тут согласие на исследование… хорошо. Теперь присаживайтесь и немного подождите, пока наша техника решит, кто вы и с чем вас можно кушать.

За работой незаметно наступил темный, как бархат, южный вечер. Вокруг беседки загорелись огни ночных фонариков, поменялся бриз, где-то над крышей замелькали бесшумные тени летучих мышей, и лишь самым краем слуха иногда можно было уловить тончайший писк ночных охотников за мотыльками. Хип накрыла в беседке стол, Маша нарезала торт, который и впрямь оказался очень неплохим, и под крепкий, настоявшийся черный чай мы продолжили беседу уже вне дома.

– Хорошо у вас здесь, право… чудесная ночь. Даже спать не хочется, – профессор отхлебнул из чашки, – и чай получился, надо признать. Хорошая вода.

– Скважина. С этим действительно повезло – вода удачная, что здесь обычно редкость. Дом, можно сказать, почти автономный.

– То есть? Надо полагать, так называемый эко-смарт?

– В каком-то смысле да. Спасибо Институту. В обмен на «погремушку» и «ледяной волчок» пробурили скважину и сделали бассейн. «Почка» и «целебный

огонь» – два энергетических блока на клонированных «синих трещотках», хватает с избытком, даже если врубить сразу все приборы в доме вместе с отоплением, разве что трансформатор начинает греть не хуже печки. Надо бы его поменять.

– Институт тоже внакладе не остался, должен заметить. – Профессор задумался, потом сказал так тихо, чтобы не услышала лаборантка Маша: – Э-э… «целебный огонь» по нынешним временам очень востребован зарубежными филиалами. И, по факту, Институт мог бы вам за один только этот аноб устроить в доме всю возможную начинку. Я, конечно, сам работник НИИАЗ и очень, очень приветствую ваше решение передать объекты ученым. Однако труд, любой труд, должен вознаграждаться по справедливости.

– Я в курсе, Проф, – ответил я так же тихо. – Но Институт одновременно с этим прикрыл меня перед отделом безопасности и обеспечил хорошее, правильное прошлое перед законом, дал работу, документы, страховку. Компенсацию за землю получил, немного, но все же. На данный момент мы в расчете, я не обеднел.

– Это верно, да. Пожалуй, вы правы. – Зотов кивнул, затем посмотрел в сторону дома. – Думаю, что такое решение, в смысле автономности, связано не только с экологическими принципами?

– Тоже верно. Я не знаю, на сколько хватит «трещоток» и артезианской воды, но в случае чего этот дом может быть очень полезным, если…

– Если Зоны не прекратят экспансию, – закончил за меня профессор. – Надеюсь, это излишняя предосторожность, Лунь. Ну, по поводу «трещоток» пока можете не беспокоиться. Мечта цивилизации и кошмар традиционной энергетики, скажем так. Учитывая, что от одной материнской «трещотки» в плазменной печи можно клонировать до двадцати штук дочерних копий, ни в чем не уступающих оригиналу, а в нашем отделе энергоблоки на них работают восьмой год без малейшей потери мощности, волноваться вам не нужно. Если бы не лобби бензиновых и прочих королей рынка, то мы бы давно открыли пусть крохотную, но все-таки очень полезную фабрику по-настоящему сказочных батареек. Благо, материал идет, много заказов на новые реакторы для малых подлодок, и в космос наши блоки тоже летают. Несмотря на то что теоретически работать они не могут.

– Не могут? – Маша отвлеклась от экрана ПМК. – А как же тогда у нас в лаборатории?..

– Разумеется, нет. По всем законам природы, физики, химии, да чего угодно, анобы не могут, не должны и просто не имеют права существовать в нашем мире. Однако даже ваш мини-компьютер, Маша, работает на крохотном двухмиллиметровом фрагменте «трещотки», а в основе процессора используется кристалл, выращенный в специальной камере посредством другого аномального объекта. Не завидую я нашим физикам, честно признаться, им приходится куда сложнее, чем биологическому отделу. Они знают, как применять множество разных анобов. Знают их характеристики, массу, плотность, цвет, форму, сделаны перечни и классификация. Но не знают главного – как они устроены и как вообще работают. У физиков НИИ по этой причине бывали даже случаи тяжелых нервных срывов в лабораториях. А мы всем Институтом пользуемся, да, и уже настолько активно, что без этих зонных подарков не представляем свою работу. Даже клонируем некоторые образцы путем экстремального насыщения тепловой или электрической энергией. Но синтезировать аноб, даже самый простой, пустяковый, мы так ни разу и не смогли. Понять принцип его работы – тоже. «Трещотка», например, работает в переменном магнитном поле определенной частоты. При этом на полюсах аноба образуется разность потенциалов такой величины, что может появиться электрическая дуга. Если запитать от полюсов генератор магнитных колебаний, то мы, по факту, получаем бесконечный источник электроэнергии, вечный двигатель, пиковой мощности которого хватит на пару-тройку квартир. И это невозможно – слабое магнитное поле не может породить ток такой силы, энергия берется откуда-то еще. Но откуда? По всем правилам физики, подобного не может быть, так как противоречит фундаментальным законам. Но – работает.

Профессор снял очки, достал салфетку и тщательно протер стекла.

– И при этом, прошу заметить, этот аноб годами не теряет ни массы, ни насыщенности, ни каких-либо свойств. Годами, то есть все известное время наблюдений. Так-то. Но мне представляется, что все эти анобы – или, как вы их неверно называете, артефакты – не являются источниками сами, а преобразуют энергии совсем иных измерений, становясь своего рода катализаторами, которые, как в химической реакции, сами не расходуются. А вот уже эти реакции как раз лечат, убивают, меняют, обжигают, замораживают, дезинтегрируют… Но это лишь гипотеза, которая на данном этапе наших исследований не может быть ни доказана, ни опровергнута и, следовательно, научной не является. Как,

впрочем, и все остальные наши теории и догадки. По большому счету, НИИАЗ в настоящее время занят не столько вопросом, что такое Зоны, а тем, как остановить или замедлить их рост, изобрести новые и, вынужден признаться, чрезвычайно доходные способы извлечь пользу из аномальных образований, а также убедительно доказать безопасность их применения.

– Да, наслышан. Птоз раковых клеток и восстановление организма при помощи «серебряного кружева». «Кварцевые монеты» в оружейных лазерах. Аномальная закалка материалов, регенерирующие сплавы и куча всего еще.

– «Бюллетень НИИАЗ», надо полагать? – Зотов улыбнулся. – Ну, да, разумеется. Вы ведь и сами периодически там печатаетесь, читал пару статей. Пишем мы все много, правда, далеко не все разрешается к печати, Лунь, даже для внутреннего пользования. Пусть это странно прозвучит, но я, знаете, не хочу, чтобы Зоны исчезли. Вот совсем не хочу. Чтобы остановили свой рост – да. Все, что у меня есть дорогого, саму жизнь бы отдал за одну крохотную подсказку, как задержать их в границах, не пустить дальше. Но уничтожить в ноль – нет. Они нужны человечеству, сталкер. А уж мы рано или поздно докопаемся до правды, обязательно докопаемся. Наука все сможет. Нам бы только срок… впрочем, давайте не будем обсуждать работу в такое хорошее время. Признаться, уже и наговорился, и наслушался досыта на вчерашнем симпозиуме. Шесть часов докладов – это совершенно невыносимо. Завтра мы будем купаться и жарить шашлык на берегу под соснами. Лунь, как у вас с мангалом?

– Найдем. Есть и зарубежная причуда – барбекю, которую ни разу еще не пускал в дело. Не знаю, с какой стороны подступиться.

– Вот завтра и разберемся! – Профессор допил чай. – А теперь – спать. Денек сегодня был очень насыщенный.

* * *

Погода не подкачала. Все два дня солнце словно решило наверстать упущенное в начале мая, и в полдень столбик термометра подбирался к отметке 28 градусов. Море, впрочем, еще оставалось холодноватым, хотя купаться уже было можно, чем мы дружно и занимались. А на берегу на углях шипел не каноничный, но поразительно вкусный шашлык из свиной шейки, в теньке лежали несколько бутылок сухого красного, подрумянивались в непривычном

для меня американском гриле розовые пласты лосося. Под далекие крики чаек море с шорохом пересыпало в своих прохладных ладонях мелкую цветную гальку и пестрые ракушки. Словно белые призраки, появлялись и исчезали на горизонте далекие силуэты лайнеров, в крымских соснах шумел морской ветерок, пахло бризом, солью и острым дымком костра. Я валялся на камешках, наблюдая сквозь закрытые веки алое зарево солнца, Хип в желтом купальнике плескалась в полосе прибоя, время от времени принося с собой прохладу и кусачие брызги. Идиллию немного нарушало то, что лаборантка Маша слишком жадно ухватилась за крымское солнце и в первый же день незаметно для себя обгорела до красноты. Прохладный душ и цинковая мазь, которой Хип врачевала пострадавшую девушку, немного облегчили недомогание, но до самого отъезда Маша так и просидела под широким пляжным зонтом. Профессор в странных, мешковатых шортах читал на берегу детектив, не опасаясь солнечного света – многим людям, долгое время прожившим в Зоне, ультрафиолет не мог причинить особого вреда. Впрочем, это правило распространялось не на всех.

– Профессор, вы же помните сталкера Румына?

– А? Да-да, конечно… приобретенный полный альбинизм. Помню, даже обследовал как-то раз. Эмигрировал, если не ошибаюсь, в Германию, к родственникам. А почему вы спросили?

– Хотел узнать, много ли измененных сталкеров со схожими признаками?

– В смысле, как у вас? Нет… ваша седина и полное разрушение меланина у вашего знакомого – совсем разные явления. У каждого организма собственная, обычно уникальная реакция на Зону, знаете ли. Все сталкеры так или иначе получают в аномальных землях экспозицию, причем не только в плане радиации или, например, микроволнового излучения. Конечно, на здоровье это непременно сказывается, но все индивидуально. Кто-то даже не заметит, ему это воздействие как, извините за сравнение, слону дробина. А у кого-то могут начаться весьма серьезные неприятности, вплоть до мозговых нарушений и проблем с кровью, зрением, начинается хроническое отравление кишечными ядами. От воздействия кикиморы запросто может полностью отказать печень или нарушиться регуляция сосудов. Я наблюдал пострадавших. После атаки кикимор выжившие несколько лет жалуются на постоянный холод и боль в суставах перед непогодой. Но бывает и по-другому. Я на базе изучения вас с Хип и еще одного сталкера, любезно согласившегося на опыты, кое-что набросал. Свои выкладки собираюсь изложить на октябрьской конференции, но с

удовольствием поделюсь с вами. Если, разумеется, интересно.

– Конечно, профессор. – Я перевернулся на живот, подставив солнцу спину. Хорошо…

– Есть измененные сталкеры, Лунь. В вашей… гм… профессиональной среде их называют отмеченными или, достаточно грубо, Зоной трехнутыми. Это, как правило, пережившие особо лютые Всплески, попавшие на много месяцев безвылазно в Зону. Одних такой опыт просто убьет, других сделает инвалидами. А третьих – изменит. Как вас с Хип. И сдается мне, гигантскую роль в этом играет не сама Зона, нет. А особенности личности, настрой, мысли, чувства, желания, в конце концов. Очень тонкая материя, но одно мне уже практически ясно. Настоящий, подлинный сталкер любит Зону. Не на словах и даже не осознанно, а просто так, всей своей натурой. Он может ругаться на нее, обзывать стервой, поганкой, мразью, но безотчетно тоскует по ней и ждет следующего выхода. Не за наживой, не за чем-то конкретным, материальным. Просто чтобы воздухом там подышать. Синдром Зоны, друг мой, частный его случай. И вот таких-то сталкеров мы не допускаем к экспедициям. Или, скажем так, не всех. Но, опять же, все измененные тоже разные. Одинаковых нет.

– Так и людей одинаковых нет, Игорь Андреевич. Я вот, например, себя или Хип измененными не считаю. Такими и были, человек по сути своей не меняется. Обрастает новым опытом, знаниями, годами, вещами, как кожурой. А внутри ядро останется – все те же девчонки или пацаны, какими были в детстве. Достаточно правильно вспомнить и почувствовать. Любое изменение – это просто твоя особенность, о которой ты раньше не знал. И Зона здесь только в том плане работает, что она эти скрытые качества рано или поздно из человека вытащит и при случае всем покажет.

– Мне трудно с этим согласиться, Лунь. Хотя мысль интересная, – хмыкнул профессор. – Но в одном вы правы. Зона личность не меняет, да. Натура решает, точно сказано. Я могу по пальцам пересчитать случаи, когда люди мирно вступали в контакт с гуманоидами Зоны. И среди этих людей никогда не было ни одного кадрового ученого, сталкер. А вот ты был. И Фреон, насколько помню, тоже. И Сионист. Я и с Пенкой познакомился только и исключительно благодаря вам… и дорогого стоили те несколько фраз и короткое знакомство. Спасибо.

– Не за что, Проф. Сейчас тут как раз есть проблемы.

– Что так?

– Знаете, я уже упоминал о том, что на расстоянии могу общаться с Пенкой. Своего рода телепатия.

– И я по-прежнему не могу вам верить. – Зотов помрачнел. – Вы уж простите старика. Я даже вполне допускаю, что вы действительно способны как бы видеть Пенку и мысленно как бы общаться с этим призраком. Но… это лишь напоминает мне один из признаков клинических проявлений синдрома Зоны. Боюсь, Лунь, здесь вам бы надо обследоваться серьезнее. Не обижайтесь, я действительно желаю вам только добра, вы мой друг. Вы ведь знаете, что существует деструктивное пси-воздействие некоторых организмов и анобов, это доказанный и довольно печальный факт. Существует также подчинение и даже уничтожение одних животных другими путем опять же особо направленных пучков и аномальных пси-полей. Но телепатия, да еще и на такие расстояния, – извините, нет. Пока не будет подтверждения, я склоняюсь к самому логичному объяснению. Вероятнее всего, Пенка своим полем сильного психоника ненамеренно повредила вам рассудок, что и отпечаталось у вас в виде ее галлюцинаторного образа.

– Ну, что вы, профессор, никаких обид. Я вас прекрасно понимаю и на вашем месте подумал бы точно так же. – Я сорвал травинку, прикусил сладковатое основание стебелька. – Тем более что никаких доказательств не смогу предоставить.

– Вы ведь пытались таким же образом общаться с Хип?

– Да. Никаких результатов. То, что слышит Пенка, я не могу передать стажеру. Хотя она тоже иногда выходила с Пенкой на связь.

– И вы Хип не слышите соответственно?

– Нет.

– Что лишний раз подтверждает мою мысль, уважаемый Лунь. – Профессор покачал головой. – Я не психиатр, да и вы не создаете впечатление больного человека, но все-таки проверьтесь. У Хип, вероятно, похожее повреждение психики, те же симптомы. Сейчас оно, возможно, не мешает и не вредит вам

особо, но кто знает, во что это выльется в будущем…

И видно, что Зотов действительно обеспокоен нашим состоянием. И книжку отбросил, и в добрых глазах плохо скрытая тревога. Хороший он, в сущности, человек, не буду его волновать и расстраивать.

– Договорились, профессор. Поеду в НИИАЗ с очередным, скажем так, выступлением, обязательно загляну к соответствующему специалисту.

– Чудесно, сталкер, чудесно. Очень рад такому вашему решению. Смотрите, вы обещали. И… поговорите с Хип. Мягко. Пусть тоже обследуется.

Издалека послышался гудок автомобильного сигнала. Профессор быстро взглянул на наладонник ПМК, после чего вздохнул и начал собирать вещи.

– Вот и все, пора. Как жаль, я бы еще погостил несколько деньков, бессовестно воспользовавшись вашим предложением. Знаете, у вас такое удивительное место, что воспитание начинает бороться с эгоизмом, причем первое проигрывает с сухим счетом.

– Игорь Андреевич, как закончите с конференцией, смело возвращайтесь. Если нужно, я вас даже встречу.

– Увы, друг мой. В ближайшее время мне отдых будет только сниться. Сердечное вам спасибо.

Профессор прихватил полотенце, чемоданчик и, махнув печальной Марии Александровне, бодрым шагом направился вверх по тропинке, к дому.

Когда гости уехали, я снова спустился к морю, прикрыл глаза и позвал Пенку. В этот раз не было и намека на ответ. Я даже не почувствовал присутствия.

Хип спустилась ко мне уже к вечеру, мягко обняла за плечи, уткнулась лицом в шею.

– Не отвечает?

Я молча кивнул, обнял девушку в ответ, и мы, взявшись за руки, в вечерней тишине медленно побрели к дому. От того, что так быстро уехал Айболит и упорно молчал далекий друг, настроение несколько испортилось. Дом встретил мягкими огоньками автоматических светильников, цепью разбежавшихся вдоль дорожек, зашумел прохладный душ в кабинке, Хип согрела постель. И вроде хорошо все, но сон долго не приходил, и я просто лежал, слушая дыхание рядом с собой, далекие, печальные крики неясыти в зарослях терна и ритмичный скрип одинокого коростеля.

Пенка пришла ночью, во сне.

Я видел ярко, в мельчайших подробностях грязную, трещиноватую кору старой ракиты, серую путанку прошлогодней травы с пролезшими сквозь нее молодыми листками, стену сгнившего коровника с лохмотьями шифера на стропилах, остов колодезного сруба. Пенка в темном, ветхом плаще стояла у стены, опершись на нее сгибом боевой правой руки, а ладонью левой, совсем девичьей, тонкой, закрывая лицо.

«Помоги…»

Это не было словом. Яркий, невыразимый образ вспышкой мелькнул в сознании, и то, пораженное необычным, диким ощущением, начало путано искать соответствие в своем внутреннем «словаре», хотя смысл был уже ясен.

«Помоги…»

И короткой острой болью в висках отдалась мысль Пенки, и в секундном этом импульсе, словно веер, вдруг раскрылись страх, одиночество и тоска.

«Где ты, друг? Помоги…»

«Пенка, я здесь. Что случилось?» – и понимаю, что это сон, но какой яркий, странный, какой подробный. Даже холодок позднего мая ощущается, болотная сырость из низин, запах мокрого торфа и тумана.

– Север. Где болота. За большой рекой. Приходи. Одна не смогу. Теряю себя совсем. Он зовет. Зовет сильно. Важно. Очень важно. Приходи. Тяжело говорить.

Я сплю. Ты спишь. Проснусь, забуду, уйдет разум, уйдет память, придет зверь…

Пенка убрала руку, и я увидел взгляд огромного, черного, словно бездна, глаза, тонкое лицо, маленькие губы, которые с большим трудом выговаривали слова рубленым, но при этом звонким, чистым девичьим голосом. Живым голосом. Длинная правая рука разогнулась, блеснули тусклым янтарем боевые зубцы на ребре крепкой узкой ладони, Пенка махнула ею, словно указывая путь.

– Север. За большой рекой. Приходи. Помоги. Ждать буду. Приходи…

И короткий, сдавленный крик, выбивший меня из сновидения: это Хип рывком села на кровати, судорожно ухватив одеяло.

– Лунь. Я Пенку видела, – прошептала она, глядя расширившимися глазами на посветлевшие окна, и быстро, на одном выдохе: – И тебя. Ей было плохо. Вы разговаривали.

И все. Сон как рукой сняло. Река, значит? Север? Сейчас, Пенка, погоди… посмотрим. Расстилаю вытащенные из полки большие листы тонкого цветного пластика, приложения к какому-то номеру «Вестника НИИАЗ», «бюллетеней» тех самых. И примерно знаю я уже эти места, но чтоб уж точно, все же гляну. Хип наклонилась у плеча. Вот и нужная карта, разворот…

Он, точно. Как раз за «большой рекой». За Припятью.

«Метастаз» тот самый.

«Зона № 2, Республика Беларусь. ПГРЭЗ с прилегающими территориями. Седьмой биологический, пятый физический отделы Международного научно-исследовательского института Аномальных Зон, приложение № 114».

Зашелестело «приложение № 114», разворачиваясь на полу легким пластиковым парашютом. Река, болота, серые квадратики бывших сел и деревень, тонкий пунктир – граница бывшего ПГРЭЗ, и оранжевой, толстой чертой – Периметр самой Зоны. Почти правильный овал с несколькими округлыми выступами – «граница 2009–2016». Тихая она, как Зотов и сказал. Как образовалась в старых границах, так никуда и не лезет, но и назад не сдает. Помню эту статейку.

«Чищеная» память у меня теперь, надежная. Прошлое сгореть-то сгорело в голове, но свободного места много оставило, судя по всему. Так… что там было? Периметр не укреплен, ерунда – четыре спирали особой режущей проволоки с антикоррозионным покрытием и знаки предупреждающие. Местами и того нет – размотали по деревьям да столбикам полимерную ленту особо высокой прочности с оранжево-черными полосами, и для каждого дурака на трех языках написали на этой ленте о том, что незаконно за нее заходить. И не просто незаконно, а крайне опасно для жизни и здоровья. И ведь не лезут, что характерно. Но не оттого, что лента стращает, нет, сталкеры народ пуганый, его таким пустяком не проймешь. Причина гораздо проще – нет там нифига. Точнее, есть, конечно, но в количествах, не предполагающих наличия бродяг-старателей. Гадости там вроде бы тоже не так много, но, однако же, и от нее вполне можно сдохнуть. Просто лазили некоторые «наши» за реку в те еще времена, когда Лунь законы нарушал, был плохим и по этой причине от патрулей прятался. И бродяги обратно таки вернулись. Не все, конечно, а почти все, кроме одного отряда. Пустые, голодные, в не отбитых долгах на снарягу и злые как черти – ни одной вещицы им не досталось, ничего вообще. А из того несчастливого отряда в живых только двое остались, и оба молчком. Помню их: у одного взгляд бешеный какой-то стал, а у другого тихий, словно без мыслей. Перегорели сталкеры, ясное дело. Сидели в уголке, молчали и медленно сивухой накачивались, так забулдыгами и сгинули. Денег нет, снаряги тоже нет, и в Зону уже не ходоки – кто же перегоревших поить бесплатно будет? А что уж они там видели, почему у обоих крыша подтекать начала, так никому и не рассказали.

– Думаешь, там Пенка? – тихо спросила Хип.

– Не знаю, родная. Не знаю. Но предполагаю, что да. И ей надо помогать – что-то случилось паршивое. Мне показалось, точнее, приснилось, что она серьезно ранена или больна.

Хип вздрогнула.

– И мне… что будем делать, Лунь?

– Спокойно, стажер. Разрулим. Дай пять минут подумать.

Подумать. Ну, подумаем, значит. Мне в Зону Яковлевым ход заказан, с ним разговаривать бесполезно. Но Гавриил сейчас в ЦАЯ, под Москвой.

Соответственно визировать и лично подписывать разрешительные путевки не станет. Уже хорошо… так. Белорусское руководство филиала НИИАЗ меня, естественно, лично не знает, хотя статьи старшего научного сотрудника, полевого инструктора НИИАЗ Семенова Андрея Владимировича наверняка видело. Да и карточка есть. Солидная такая, темно-зеленая, с круглыми печатями и моей физией на обороте – электронное удостоверение. И у Хип тоже карта – салатовая, с солнечной, улыбчивой фотографией, – и там уже не полевой лаборант, а младший научный, в штате. Но даже с этими железобетонными пропусками никто нас в Зону не пустит просто так. И думать можно забыть самим туда прорваться. А лезть дуром, через ленточку и дикарями, – серьезнейший риск и Пенку не найти, и на нары надолго присесть, и Институт подставить – у белорусов с этим крайне строго. Не заметишь ты маленькую камеру-регистратор в еловых ветках, которая на движение реагирует. Там объектив с ноготок, и корпус – чисто веточка-обрубыш, серой корой прикрытый. Камеры эти, конечно, не везде и предназначены в основном для регистрации разной живности, буде той вздумается из Зоны на «чистую» землю прогуляться. Но и нас «щелкнет» без проблем, и увидят коллеги из братской страны на фото совсем не зверюшек. Со всеми, как говорится, вытекающими. Сами не пройдем, короче. Выручай, Айболит. Выручай, дружище. Без тебя нам никак.

Молча поднявшись с пола и чуть не поскользнувшись на пластике карты, я подскочил к радиотелефону. Хоть бы Проф не выехал еще из гостиницы в Институт, так как там вся связь обычно или глушится, или улавливается любознательными спецами из отдела безопасности. Не сказать, что там работают пинкертоны, но рисковать все же не стоило. Мельком взглянул на часы – половина седьмого. Проф явно уже не спит – то, что он классический «жаворонок», я давно понял по совместным походам. После двух гудков профессор взял трубку.

– Доброе утро, Лунь. Что-то случилось?

– Доброе, Игорь Андреевич. Да, случилось. Нам нужно в Зону. В «Метастаз».

В трубке повисла долгая пауза.

– Я так понимаю, что это очень важно, иначе бы вы не звонили. Это связано с Пенкой, верно? – тихо спросил профессор.

– Да, Игорь Андреевич. Именно так.

Следующая пауза затянулась дольше, и я услышал, как Айболит тяжело вздохнул:

– Друг мой… вы ведь помните, что я вам говорил относительно так называемых сеансов связи. Это… это очень серьезно. И мы говорили как раз о Белорусской Зоне в мой приезд. Теперь все понятно.

– Профессор, я прошу вас как друга. Как ученого. Мне действительно требуется ваша помощь.

– Да-да, я понял вас, сталкер. Я не могу вам помочь, простите меня. В этом – не могу. Прошу вас, очень прошу – обратитесь к врачу. Незамедлительно.

В трубке послышались короткие гудки.

Я осторожно положил телефон на стол. Не вышло. Тогда будем размышлять дальше. Думай, башка, думай лучше… новую шапку куплю, если справишься. Но шло время, а дельных мыслей не возникало. У меня в НИИАЗ больше не было таких связей и по-настоящему хороших друзей, которым можно было бы довериться. Мелихов в Челябинске, Скиф давно пропал в Зоне, и от тех, кто ушел еще дальше, давно ни слуху ни духу. Не знаю даже, живые ли. Придется, видно, самим.

Запиликал телефон.

– Еще раз здравствуйте, Лунь, – послышался голос профессора, тихий и смущенный. – Прошу меня извинить, сказал, не подумав. Нехорошо вышло, право слово, извините. Я непременно постараюсь помочь вам, посмотрю, что можно сделать. Позвоню после обеда.

Часть 2. ПГРЭЗ

Отстучали нестройными ударами в майскую ночь колеса поезда. Остались позади сданный под охрану дом, старая беседка и стремительно теплеющее синее море, маета с билетами и обменом, хмурый, немного сонный таможенник. Смутно мелькнули сквозь беспокойный, обрывистый сон огни мокрых городов и холодные сквознячки долгих остановок, когда с перрона затягивало в купе табачный дух. Гомель встретил мелким промозглым дождем и острой серой свежестью раннего утра. Розоватая краска высокого трехэтажного вокзала потемнела от частых капель мерно сыплющейся мороси, и несколько елок на фоне темно-серого, хмаристого неба выглядели почти черными. Женский голос со звонким эхом объявил, что прибыл поезд «далёкага накіравання Адэса – Гомель», и вереницы пассажиров сонно потащились под крышу здания, подальше от холода, порывистого ветерка и падающей с неба воды. М-да. Всего-то шестьсот с небольшим километров, а какая разительная перемена. Впрочем, метеоцентр не зря предупреждал о холодном циклоне над Беларусью и северных ветрах. Май в этом году определенно неудачный.

– А в Крыму сейчас тепло. Уже купаться можно. – Хип поежилась, плотнее запахивая куртку. – Никогда здесь не была. В Беларуси… а погодка совсем как у нас, но только осенью.

– Это в Вологде?

– Ага. – Хип усмехнулась. – Все ты помнишь. Пойдем. Умираю как хочу горячего кофе, чтобы и погреться, и проснуться сразу.

– Да, не помешает. Только учти, стажер. Тут мы с тобой цивилизованные люди, Алена Андреевна. Никаких луней тут не летает, и Хип тоже не водится.

– Бр-р… Поняла, хотя и непривычно, Андрей Владимирович. Ух-хх… аж язык ломает заодно с мозгами. Скорей бы домой, чтоб уже друг друга по-человечески называть.

Я не удержался и хохотнул. «Алена Андреевна» поняла, тоже прыснула, и мы отправились к зданию вокзала, дабы обменять оставшиеся гривны на вполне себе суровые рубли. Кофе на двоих в местном кафе обошелся в четыре рубля и еще в девятнадцать – загадочные «колдуны» и «печень по-гомельски», что изначально и не планировалось, но под кофей аппетит разгулялся как надо. Я для себя решил, что неплохо было бы разжиться рецептами. Чуть позже эту же

идею мне подсказала и Хип.

Профессор Зотов прибыл в забавном желтом дождевике, похоже, перешитом из лабораторного костюма химической защиты.

– Очень рад, очень рад, здравствуйте, друзья мои. – Проф горячо пожал руки. – Что же вы? Уже позавтракали? Напрасно, напрасно. У нас в Институте великолепная столовая для своих, и по очень умеренным ценам. Здесь, право же, дороговато.

– Спасибо, профессор. Это любопытство к местной кухне, скажем так, и горячая пища – самое то, что нужно в такое утро, как сегодня. Сталкерская привычка, мы люди простые. Видим еду – едим, чего ждать?

– И как вам местные блюда?

– Впечатляет. – Хип сладко и немного сонно улыбнулась. – Мне понравилось, очень вкусно. Будем возвращаться – зайду еще.

– Это, право, радует. Только вот погода сегодня мерзкая, признаться. – Проф поправил дождевик. – Неделю как зарядило. Впрочем, послезавтра уже обещают тепло, солнце и лето. Посмотрим. Садитесь в «Газель» с эмблемой Института, она вон там, на стоянке, устраивайтесь поудобнее. До Брагина ехать долго, можете поспать, если в поезде не вышло. Я, пожалуй, тоже возьму кофею.

Хип сразу же засопела и сладко проспала всю дорогу. Посапывал и профессор, да и я периодически нырял в мягкую полудрему – ночь в поезде почему-то совсем не дала отдыха. Машина Института шла очень тихо, едва слышно, с каким-то электрическим гудением работал двигатель, в салоне не чувствовалось характерного, неистребимого бензиново-угарного душка, и водитель ни разу не останавливался у заправок. Гораздо громче двигателя шумел и посвистывал встречный воздух, да с гулом проезжали мимо редкие автомобили. А сплошные облака уже расходились, в разрывах тяжелых туч все чаще мелькало солнце, и по мокрой дороге медленно ползли с севера на юг обширные светлые пятна. Поля сменялись невысоким лесом, мелькали непривычные глазу, свежие, как березовый сок, названия белорусских деревень, памятники, гнезда аистов на высоких столбах и водонапорных башенках. Дорога убаюкивала, и даже не верилось, что еще несколько десятков километров, и начнутся совсем иные

земли – давно не жилые поселки, заросшие поля и рощи ПГРЭЗ – «Зоны 2».

Здание Института получилось увидеть издалека. Оба филиала – физики и биологи – разместились в четырех массивных цилиндрических башнях, расположенных настоящим каре, и пятиэтажные здания, соединявшие их, были куда больше похожи на стены средневекового замка, чем на современные корпуса Института. Поодаль стройным рядком стояли красно-белые «полосатики» жилых трехэтажек, водонапорная башня и приземистые кубы хозблока.

– Научный поселок Брагин-2, прошу любить и жаловать, уважаемые сотрудники. – Зотов обернулся к нам в ожидании проверки документов. – Именно тут мне предстоит поработать денек на защите одного любопытного исследования. Сегодня, я думаю, с этим мероприятием мы полностью управимся. А вы пока возьмите эти ключи и найдите второй жилой корпус. Квартира номер тридцать четыре в вашем распоряжении на время работы. Располагайтесь, отдохните, выпейте чаю и подходите в Институт к половине четвертого. Буду ждать на проходной, чтобы все оформить.

– Спасибо, профессор. Удачи на защите.

– Не за что, Л… коллега. Добро. И удача нам всем действительно потребуется, так как подобного номера я за всю свою работу еще не исполнял. – Зотов подмигнул и задорно улыбнулся. – Как бы то ни было, именно этот номер я и считаю самым стоящим во всей программе концерта, друзья мои. Аплодисменты нам гарантированы.

Проверка прошла быстро. Молчаливый сотрудник просто провел сканером по нашим карточкам, кивнул и нажал кнопку «вертушки». Квартира, которую нам выделили, оказалась маленькой трехкомнатной, с длинным узким балконом. На кроватях уже лежали запаянные в пластик постельные принадлежности, на кухонном столе возвышалась стопка из шести картонных с зеленым принтом коробок «улучшенного общевойскового рациона» в окружении золотистых банок тушенки и запаек с тонкими сухими хлебцами. В холодильнике нашлись квас, молоко и минералка без газа. Ну, жить можно. Сухпаи было решено сберечь на выход, и Хип, прихватив пакет, убежала в институтский магазинчик за продуктами на вечер. Я открыл балконную дверь и вышел подышать заметно потеплевшим воздухом. Рука почему-то привычно хлопнула по карману, а перед глазами как будто заново встали высокая стена Периметра с огоньками на

вышках, вечная облачность и сырые улочки. Надо же, давно завязал с курением, но стоило потревожить память вот таким же деньком, корпусами Института и ощущением близкой Зоны, как в кармане словно бы образовалась несуществующая пачка сигарет. И мандраж легкий такой, и чувство, ни с чем не сравнимое. Думал, отпустила Зона тебя, Лунь? Шиш там. Чую, как зовет обратно, зудит по самому краешку души. Никто не поймет сталкера, пока сам в тех местах не побывает. Только бы Пенку встретить. Болит на сердце, словно царапается кто-то, – что с тобой, психоник, чужое существо Зоны, которое ближе иных людей? Попробую, позову, пока спокойно, никто не отвлекает. Раз, другой. И тишь. Даже не знаю, живая ли, – дурной, гадостный сон тогда был, который, готов поручиться, и не сон вовсе. И если вдруг окажется, что стреляли в тебя, убили, – то найду. Зоной клянусь, найду и уничтожу, да не просто так, а чтоб, твари, поседеть успели перед смертью. Гулко стукнуло сердце, и в ответ на отблеск настоящей, совершенно непривычной для меня острой ярости вдруг тихонько, на самом краю сознания – секундное присутствие. Жива, значит. Если, конечно, не почудилось.

«Пенка! Отзовись!»

И ничего. Опять совсем ничего. Ни искорки в сознании, ни весточки другой какой. Мертвая, пустая тишина опять там, где раньше мы с тобой целые беседы вели днями напролет. Эх, Пенка, Пенка…

Профессор позвонил ближе к пяти, чтоб заполнить все необходимые бумаги и подписаться под разрешениями. Да, давненько я не брал в руки шашек, а точнее, пачек институтских документов. Определенно, армия бумажных и совершенно необходимых дядь и теть в стенах НИИАЗ крупно подросла. Раньше главным был только бланк «смертничек» – договор, в котором ты соглашался добровольно взвалить на свою тушку все последствия экспедиции в Зону и не иметь потом к Институту никаких претензий. Подлючая бумажка, в сущности, однако и НИИАЗ понять можно, им тоже деваться некуда. По слухам, впрочем, импортные «ботаники» такого документа не подписывали. Теперь к «смертничку» прилагалась институтская страховка, расписанная аж на тридцати листах с разными пунктами и выплатами родным. Так как у нас с Хип никакой родни не наблюдалось, мы заполнили только ту часть, которая «компенсировала», например, утрату конечности или «общее поражение организма». Стажер поморщилась: не по «уставу» перед выходом в Зону на бумажках всякую бяку расписывать, однако Зотов все же уговорил – без страховки нас бы просто не выпустили. Затем пошли соглашения, поручения,

предметные части, бланки на выдачу, на соответствие и тому подобная бумажная муть. Проф вздохнул и посоветовал подмахнуть все, не читая. Мол, договоров на продажу души в тех бумагах точно нет, проверено, и это обычная бессмысленная и давно уже несерьезная бюрократия, которая отсюда сразу уйдет в архив только для того, чтоб медленно покрываться пылью да заодно обеспечить дополнительно две-три дюжины рабочих мест.

Следующий этап был интереснее. Нас вместе с Зотовым повели в «закрома» – снабдить оборудованием и припасами. Заведующий материальной частью экспедиций, Степан Васильевич, пожилой и очень серьезный человек, с толком и расстановкой погремел связкой ключей, открыл склад и начал, сверяясь со списком, «обеспечивать» сотрудников.

– Так… костюмы. Вам, Игорь Андреевич, выдам именной… вот… а вам, молодые люди, придется подбирать по размеру. Заполните пока бланк выдачи и расписку на сохранность имущества.

И на стол легли два киевских «Покрова-2». Хип даже присвистнула.

– Ничего себе… это же хлам, извините…

– Ну, хлам, не хлам, но никто не жаловался пока. – Степан Васильевич, не меняя интонации, несколькими движениями выдернул шнурки прозрачной упаковки, расправил на столе два светло-серых, в прозелень, костюма. – Нормальная одежка, в самый раз. Номерная, только вам, значит. Однако вы ее уж не уделайте раньше времени, а то один костюм на год выдается.

– Ничего, Алена Андреевна. Не настолько уж он и плох, надо сказать, – примиряюще сказал Зотов, принимая свой «Покров». – Для реалий местной Зоны его, в общем, хватает. А «Кольчуги» местный филиал не выписывает, очень дорого.

М-да. Уж сколько раз твердили и научники, и сталкеры, чтоб перестали заказывать «Покровы». И не то чтобы совсем уж полная дрянь вроде «Аниона-КЗ», разработанного в самом НИИ каким-то действительно безмозглым кабинетчиком, но и далеко не фонтан. Что такое хороший, просто хороший сталкерский комбез? Это такой, чтоб хотя бы от половины зубов, шипов, когтей прикрыл, от ядовитых плевков и жгучих спор разной зонной «биологии», благо

современные материалы вполне позволяют это сделать. Чтоб не горел, да. Чтобы кислоту какую-нибудь к телу не пустил опять же, а если и пустил, то не сразу, а дал время из костюма выскочить. Как показала практика, «Покров-2» ни с одной такой задачей справиться был не в состоянии. Но все же покупали его сталкеры, особенно те, кто не при деньгах. Все-таки куда крепче он был обычной камуфлированной хэбэшки. Ботинки в комплекте тоже чуть, самую каплю лучше армейских. Удобнее они, ногу не натрут и на полпути не развалятся, если, конечно, сильно по лужам не рассекать и сушить вовремя. Были, впрочем, и два больших плюса «Покрова-2» – его легкость и удобность относительно того же «Аниона» и изумительная, просто потрясающая подкладка. И дышит, и провонять не дает после тяжелого дня, и воспаления с потертостями тоже почти никогда не будет – тоненький такой светлый материал со слабым запахом лаванды, чем-то явно пропитанный. Бывало, бросовые комбезы эти барыги чуть ли не оптом сдавали, мы всю подкладку с них спарывали подчистую, а остальное в мусор летело. С материала этого самые лучшие бинты получались, белье нательное и портянки для тех, кто носки не признавал. Шикарная вещь. Вот бы вместо никчемных «Покровов» на поток такую ткань пустили сразу в рулонах, мы бы им спрос обеспечили.

Да, товарищи коллеги. Огорчительно, конечно, «Кольчугу» не получить, но ничего не поделаешь. Нет так нет. Теперь посмотрим, что там с оружием, пора уже и вопрос соответствующий задавать.

Заведующий материальной частью внимательно и очень долго смотрел на меня поверх очков, затем хмыкнул, переспросил и хмыкнул еще раз, но уже чуть громче.

– Научным сотрудникам не положено выдавать никакого оружия, что вы, молодой человек! У меня и на складе такого нет, да и не было никогда, побойтесь бога.

– В Зону без ствола? – Хип выглядела не менее удивленной. – Как же у вас ученые туда ходят?

– Обыкновенно ходят… вы, уважаемая, тут впервые, видимо. Для экспедиций предусмотрено сопровождение – два бойца с автоматами и боекомплектом.

– Здесь чуть иначе, Алена Андреевна, – мягко улыбнулся профессор Зотов. – Банд в ПГРЭЗ нет, по крайней мере тут о них не слышали. Поэтому научным сотрудникам носить оружие запрещено. За исключением вот этого.

Профессор принял из рук Степана Васильевича длинное ружье с револьверным магазином и, похоже, баллоном сжатого воздуха вместо приклада.

– Летающие шприцы, пятизарядка. Главный инструмент биолога здесь, не считая шестов и зонтичных сетей. А экспедиция у нас, – Зотов выдержал короткую, но внушительную паузу, – намечается как раз по сбору биологических образцов, а не их отстрелу.

С прочим снаряжением тем не менее все было более чем неплохо. Нам выдали сразу три редких, почти легендарных детектора «Шелест-5» и столько же знаменитых коммуникаторов ПМК со всей программной «начинкой» и заранее настроенной связью. Хип уверенно раскрыла «Шелест», пробежалась по диапазонам, вывела в широкополосное сканирование. Степан Васильевич одобрительно кивнул.

– Хороший аппарат, рекомендую. Скорость реагирования очень высокая, и дальность пеленга выше, чем у предыдущего. Но… берегите, дорогие они. На весь филиал всего сорок штук выслали, и из них уже один испорчен. Инструктор дал в руки пополнению. Они и… поиграли, да. Умудрились сломать в аудитории, даже не в Зоне, вот что обидно. Уж извините, наука, но на эти приборы придется подписать материальную ответственность, мы теперь осторожничаем.

– Нет вопросов, понимаю, – Зотов поставил подписи, – вернем в лучшем виде.

– Завтра в пять утра вас будет ждать машина до Брагина. Спецтранспорт там уже готов, выдаю два вездехода «Спектр». – Заведующий аккуратно собрал бумаги в папку. – Ни пуха вам, товарищи.

– К черту… – тихонько буркнули мы почти хором.

* * *

К утру дождь совсем закончился, а небо полностью избавилось от туч. Розовый рассвет окрасил стены домов Брагина, ярко заблестел в окнах, и казалось, что этот крупный поселок все еще жилой, а люди просто спят, и оттого пустынны улицы, не слышно машин, только институтская «Газель», негромко ворча мотором, нарушает покой. Но Зотов уверил, что все дома не первый год оставлены, а жители Брагина давно разъехались по Беларуси в заранее построенные микрорайоны. Но иллюзия спящего поселка была настолько яркой, что невольно я высматривал ранних прохожих на опустевших улицах. Только пара аистов лениво снялась с крыши одного дома и, медленно взмахивая крыльями, скрылась за деревьями.

– Здесь раньше был отдел Полесского заповедника, – тихо сказал Зотов. – Некоторые сотрудники перешли в наш штат. Они хорошо, скажем так, знают местность и какой тут была природа до Зоны… Вот и площадь. Обратите внимание на памятник Ленину. Здесь они почти везде сохранились, да.

Но меня привлек даже не памятник – он был не очень хорошо виден на фоне больших серебристых полусфер мобильной лаборатории НИИАЗ, соединенных цилиндрами вспомогательных отсеков и жилых модулей – этакая космическая станция. И почти на всю площадь – высокий оболочечный ангар с техникой, за которым ворота, вышки, казарма и проволочный забор в четыре ряда. И мигает на мачте связи тусклый рубиновый огонек, почти незаметный при свете утра.

Увидев нашу машину, из маленького здания КПП вышел человек в военной форме, махнул в сторону ангара, и створчатые ворота медленно распахнулись, выпуская два больших вездехода.

Интересная штука этот самый вездеход «Спектр», специально для Зоны придуманный. Этакое здоровенное корыто вверх дном, установленное на корыто поменьше, серовато-желтого цвета, на восьми больших широких колесах в крупный рубчик. И если на старых, привычных мне моделях «зонных» вездеходов окон не было, то здесь они имелись, овальные, словно иллюминаторы, и такие же массивные. И несмотря на очень солидные размеры, был у машины не слишком большой вес – вместо металла корпус «Спектра» покрывал толстый слой особо прочной полимерно-композитной брони, предназначенной для защиты от различной аномальной дряни. По слухам, внутри такой машины можно было выжить даже недалеко от эпицентра Прилива или локальной Вспышки. В толще брони располагались как просвинцованные слои, так и особые контуры из тонкой медной проволоки. Этот пластик

совершенно не горел и не пробивался подземными разрядами, но, конечно, ни одна машина не способна выжить в аномалии – и на этот счет первый вездеход, чуть поменьше второго по габаритам, оснащался маленькой башенкой с «ушами» дальнего детектора-универсала.

– Проф, а к чему второй «Спектр», да еще и здоровый такой? – с удивлением спросила Хип. – Мы и в первом все разместимся, и место останется.

– Второй, Алена Андреевна, это так называемый зверинец для образцов. Внутри него прочный отсек для добычи. Мы специально заказали несколько таких машин. Хорошие, крепкие, но… жаль только, что защита не помогает при нападении мародеров. Один раз мы потеряли целую экспедицию – и наши ребята полегли из отдела, и крупный специалист по флоре, француженка. Расстреляли из автоматов передатчик, после прожгли борт гранатометом. Никто не выжил. М-да… мерзавцы. Подумать только – стрелять в ученых.

– Их нашли?

– Да, да. Нашли. Не наши спецы, правда, а какие-то сталкеры, и всех положили там же. По крайней мере так утверждают следователи. И хорошо, и очень верно сделали, я считаю. Как было бы здорово, коллега, чтобы мы, ученые, и… люди вашего круга сотрудничали лучше и больше друг другу доверяли. Ведь это такая польза для всех нас.

– Не все так гладко с этим, уважаемый Игорь Андреевич. До сих пор не все гладко.

– Да, верно, спорить не буду… – голос профессора стал печальным. – К сожалению, до полного взаимного доверия нам еще далеко. Ну, не будем о грустном. Пойдемте знакомиться с военным сопровождением.

Насколько я понял, один из бойцов сопровождения был заодно и водителем вездехода – он был постарше, явно контрактник, приземистый, усатый мужичок в хорошо подогнанной форме.

– Это Василий Бондарев. – Профессор увидел мой взгляд. – Отличный водитель, знаток своего дела. С ним не пропадем, спасибо Степану, явно его работа, он привлек.

Второй воин был высоким и совсем молодым – из подворотничка высовывалась длинная, тонкая шея, а форма висела как на вешалке.

– Рядовой Корнейчук для несения службы по охране научной экспедиции прибыл, – быстрой скороговоркой отколотил высокий, вытянувшись в струну и даже попытавшись хлопнуть каблуками пыльных ботинок.

– Доброго здравия, профессор. – Василий пожал протянутую руку, посмотрел на нас. – Снова в путь? Старший лейтенант технической службы НИИАЗ Бондарев, доброго дня. Для друзей – просто лейтенант.

– Старший научный сотрудник Андрей Семенов. Для друзей – просто научный, и то не полностью. Приятно.

– Хи… точнее, младший научный сотрудник Архипова. Здрасьте.

– Сталкеры? – с улыбкой в глазах поинтересовался у профессора лейтенант, и тот кивнул.

– Еще какие, друг мой. Еще какие.

– Ну, я так и понял сразу. Это хорошо, факт.

– Лунь, не беспокойтесь. – Зотов повернулся ко мне. – Василий полностью свой человек.

– Да, наслышан, – усмехнулся лейтенант. – Ну, рад встрече. Жинке сейчас позвоню, успокою, что теперь назад точно вернусь без потерь.

– А вот этого не надо, – негромко, но с металлом в голосе проговорила Хип. – Не надо таких вещей говорить. Успокаивать будешь после. Потом.

– Понял. – Василий быстро убрал телефон обратно. – Звиняйте, запамятовал приметку. Бывает. Ну, по машинам? Там уже с пропускника мне сигналят.

Внутри «Спектра» оказалось неожиданно уютно и просторно. Вездеход представлял собой фактически небольшой жилой модуль для четырех человек – в наличии были двухэтажные койки вдоль бортов, удобные сиденья, санитарный блок и даже складная конструкция «предбанника», который в разобранном состоянии был своеобразной камерой воздушной очистки. К потолку вела лесенка с люком – видимо, на вездеходе были предусмотрены поездки «на броне». Замурлыкал тихий, но явно мощный мотор на анобе, и все восемь колес плавно стронули машину с места. Лейтенант отвлекся от похожего на авиационный штурвала, повернул сенсорный экран управления, открыл меню и несколько раз провел по нему пальцем. Пиликнул сигнал, и в окно заднего вида я рассмотрел, как самостоятельно, без водителя, тронулся с места второй вездеход и, выдерживая приличную дистанцию, поехал точно по следам первой машины, повторяя все ее маневры. Определенно, крупно шагнула наука и техника.

Остались за спиной решетчатые ворота блокпоста, потянулось заросшее бурьяном брошенное поле с участками мелколесья.

– Ну, Проф, отъехали малость? – спросил Василий, и Зотов кивнул.

– Тогда вот так. На, держи, до конца поездки он твой. – Бондарев достал АК-74, передал мне. – Я водитель, мне ни к чему. А у тебя он при деле будет. Корнейчук!

– Я!

– А ну-ка подхватил свою ружбайку вместе с боекомплектом и передал барышне.

– Так… так не положено же. Нельзя же, товарищ старший лейтенант! Это же ору… оружие…

– Да, не положено, – охотно согласился Василий. – Только там, на той планете, куда мы с тобой летим, рядовой, на любое твое не положено кое-что другое наложено, уяснил? Передал ружбайку, не задерживай.

– Девке автомат? Та-арищ лейтенант, ну вы чево?..

– Барышне, рядовой. Девки у тебя в деревне коровам хвосты крутят. А барышня эта в Зоне твою тощую задницу прикроет лучше, чем рота таких же полудурков, как ты, стрелок великий. И не вздумай вякнуть потом, что оружие передавал. Ты хорошо меня услышал, Корнейчук?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– В Зоне – просто лейтенант, сколько раз говорить. И можно без товарищей, – отмахнулся Бондарев. – А то долго.

Автомат перешел к Хип. Стажер спокойно бросила ремень на плечо и подмигнула Корнейчуку. Парень явно ошалел от такого расклада.

– Вот и ладненько. Теперь так. Я буду, значит, Бонд, имя мое тут такое. Не я придумал. Этот молодой теперь Кора. У него первый выход, многого еще не понимает, предупреждаю. Так-то он не совсем енот, обучению поддается. А вас я уже знаю. Лунь, значит, и Хип. Те самые. Мне про вас сталкеры-проводники рассказывали. Игорь Андреевич, вы, как и в прошлый раз, Проф. Как пойдем, Лунь?

– Стандартно. Мы с Хип наружу, по дороге. Кору на броню отправьте, у башенки, пусть по сторонам смотрит. Проф в кабине. Техника ваша, конечно, замечательная, слов нет, но лучше по старинке. Надежнее.

– Добро, Лунь. – Профессор достал детектор, подкрутил один из верньеров. – Но до границы собственно самой Зоны я хочу дойти с вами. Любопытно, правда ли то, что сталкер ощущает ту самую линию.

И мы втроем выбрались на немного влажный, трещиноватый асфальт, местами поросший прошлогодней травой. Несмотря на конец мая, зеленью «предбанник» Зоны не радовал. Серовато-желтые, бурые заросли тянулись по обочинам, блестели голые ветки ивняка и золотистая тростниковая крепь на болотинах, прошлогодняя тоже, шелестящая, волглая. И сплошным, молочным полотном – туман над низинами, плотный, как вата. Я махнул рукой и медленно пошел вдоль заброшенной дороги. Хип привычным движением взяла автомат на изготовку, заняла место слева от меня, и тихонько захрустели мелкие камешки под нашими ботинками и чуть громче – под колесами плывущих за нами вездеходов. Проф, немного отстав, внимательно следил за показателями

прибора, временами посматривая на нас. Так прошло несколько минут.

«Оно»…

Ухнуло сверху вниз, как на американских горках, чем-то острым и сладким защемило в сердце, схватило дыхание, и целые рои мурашек разбежались по спине. И вижу боковым зрением, как резко вздрогнула Хип, как удивленно повела глазами и быстро вдохнула воздух. Мы остановились вместе, синхронно. И Проф, даже не спрашивая, медленно кивнул, с непомерным удивлением в глазах закрепляя детектор в нагрудном держателе комбеза. Он спросил что-то, но я не услышал его, не воспринял слова. Хип молча подошла, я ощупью поймал ее руку, и мы просто сели прямо на дорогу, спиной к спине. Мысли куда-то исчезли. Во всем мире осталась только тонкая ладошка в моей руке, запах болота, побуревшая трава и вал тумана, медленно переползавший через дорожную насыпь. Удивительное спокойствие и тепло от спины стажера, которое я чувствовал даже через ткань «Покрова», поразительная тишина и особенное, хотя и непривычно чистое для таких мест небо на какое-то, уже неощутимое для меня время забрали нас полностью.

Что-то неразборчиво спросил Кора, но Проф, скрестив руки над головой, остановил вездеход и негромко, но отчетливо попросил: «Подождите немного. И помолчите, прошу вас. Они сталкеры… дайте им поздороваться».

Хоть и не курили мы, но Хип все же приобрела в магазине пачку сигарет, которая теперь лежала у меня в нагрудном кармане. Я сорвал пленку и вытащил две сигареты, одну из которых передал девушке. Табачные палочки легко сломались в пальцах и крест-накрест легли на дорогу. Рядом устроились кусочек сахара, галета, и прямо на асфальт упал глоток особой настойки из верной фляжки.

– Здравствуй, Зона. Мы снова пришли к тебе. Спасибо, что дождалась и встретила. Если что не так, ты уж нас прости. Не по злобе мы, а по глупости.

Легкий, прохладный ветерок пролетел над головами и разделил туман на два больших прозрачных крыла с завитыми перьями. На обочине едва слышно щелкнула ветка.

Ответила.

Закрыть глаза. Еще несколько глубоких вдохов, и пора. А внутри все еще горит, и мысли разбегаются в стороны, и ничего я не могу с ними пока поделать. Уж очень острое это ощущение, особенно если успел от него отвыкнуть. Никуда от тебя Зона не денется, сталкер. Да и ты от нее тоже.

Я поднялся, поправил автомат.

– Ну, Проф… командуйте. Какой маршрут?

– Секунду, друг мой… – Зотов что-то быстро записывал в небольшой книжке с кожаным переплетом. – Вы… совершенно точно узнали границу, и это было видно. Что вы почувствовали?

– Извините, Игорь Андреевич. – Хип тоже встала, отряхнулась. – Нет таких слов, не подберу. Оно просто есть.

Мне оставалось только молча кивнуть – точно сказала стажер. Удивительно, но я вдруг ощутил какую-то неправильность вопроса, его неуместность здесь, у границы Зоны. Что-то было пресное и одновременно печальное в том, что ученые никак не возьмут в толк одну простую вещь: не все можно разложить на графики и формулы, на химию или, там, какие-нибудь элементарные частицы. Верит Проф в науку, как в святыню, и даже сейчас, прямо в данный момент, нас с Хип изучает. И правильно, в общем, делает, иначе бы не был он ученым. Но именно по этой самой причине никогда не услышит он голос Зоны в хрусте тонкой ветки и не ощутит ее колючее дыхание на коже.

Проф достал ПМК, сверился с данными.

– Маршрут стандартный биологический, от четырех до максимум восьми дней по местным урочищам. Бывшие села и деревни. Путь провешен от автодороги на юго-восток, до одного крупного бывшего села, это основной пункт маршрута. По дороге надо будет посмотреть еще несколько урочищ, одно любопытное болото и бывший совхоз. Снять ящики с записями на ключевых точках, проверить фотоловушки, если остались целые. При особой удаче поймать какой-либо… биологический объект. Если управимся с основными делами, можно будет попробовать вывесить путь в квадрат «Лесной-5» и «Слободка-1».

– Названия бывших сел? Эти урочища? – поинтересовалась Хип, внимательно изучая местность.

– Э-э… не совсем так. – Профессор покачал головой. – На одном из крупных совещаний мы проголосовали за изменение географии Зон. Очень морально тяжело, знаете… очень. Одно дело, когда ты, например, говоришь о том, что во время Вспышки над поселком, допустим, Васильково в бомбоубежище местной школы укрылись около восьмидесяти жителей, в том числе не только взрослых, но и…

Проф запнулся, порывисто вздохнул, снова снял и так чистые очки и начал их тщательно полировать платком. Фразу он не закончил, а взамен произнес:

– В общем, нам остро не хватает в научной среде такой особенности психики, которая часто встречается у врачей. У по-настоящему хороших, опытных врачей, которые далеки от жалости к пациенту в то время, когда спасают ему жизнь. Иначе они просто сгорят. С ума сойдут. Если хирург даст волю эмоциям во время операции, то, полагаю, вы сами понимаете, ничем хорошим это не кончится. Был у нас случай в позапрошлом году. Челябинская Зона, да. Но она не Челябинская, друзья мои. Город от нее достаточно далеко и практически вне опасности. А вот место под названием Кыштым… там был эпицентр первой сокрушительной Вспышки. И у нас был доклад. И на докладе присутствовала семья научных сотрудников. Удивительно, что они вообще смогли прийти, железные люди. Видите ли, у них в Кыштыме оставались родители и дочь, которых не эвакуировали. Тот… район стал почти сплошной аномалией, понимаете…

Профессор порывисто вздохнул.

– И когда во время доклада прозвучало название их района и перечень улиц, то не выдержало даже железо, из которого были выкованы те двое ученых, поклявшихся противодействовать Зоне. И видеть это было очень тяжело, и чувствовать вместе с ними тоже. С тех пор мы избегаем именовать какие-либо населенные пункты своими названиями. Это, наверное, сродни лицемерию и слабости, но селом Сухим, или поселком Ветров, или «квадратом РД-233» немного легче оперировать во время доклада. За этими прозвищами мы не так остро чувствуем смерть, Лунь. Считай, что брошенные спящие поселения теперь тоже сталкеры со своими новыми именами. Все карты Зон переписаны. Остались только совсем уж крупные объекты, но на то они и крупные, чтобы…

– Даже Москву вы часто зовете просто Городом, Проф…

– Именно так. Ты заметил верно. Я ведь москвич, да. Сорок лет жил в Москве, вырос, учился, работал, пока не переехал в НИИАЗ. Не исключено, что и выжил я благодаря этому переезду. К слову, при составлении новой сводной картографии всех АЗ мы даже получили одобрение и весьма живую поддержку отдела безопасности, можешь себе представить? А на более высоком уровне вскоре вышли атласы с серыми, пустыми овалами и кругами – новые Терры Инкогниты, и я поручиться готов, что это выгодно ровно настолько же, насколько подло и аморально. И невольно возникает мысль – не предательство ли это, не трусость ли с нашей стороны помочь таким вот образом забвению?

Поднялся заметный ветерок. Кусты вдоль дороги расступились, открыв вид с насыпи – унылое, плоское поле с полегшим слоистым бурьяном, участки серого, больного мелколесья из осин и покореженных березок. На немногих ветвях только начинали зеленеть почки, хотя немного в стороне, у развалин коровника, небольшая рощица желтела настоящим осенним золотом, и даже был виден листопад – и это в мае месяце, почти в начале лета. О том, что вскоре настанут теплые дни, тут, в Зоне, почти ничего не говорило, даже верба не по сезону только начала покрываться пушистыми соцветиями. Вездеход добрался до двух высоких, гибких прутов оранжевого цвета с пластиковыми флажками – белым и ярко-красным. Вторая пара была видна далеко в поле, ярко выделяясь на фоне жухлой прошлогодней травы.

– «Воротца», вешки, – пояснил Зотов. – В отличие от спутниковой навигации всегда работает, вне зависимости от радиоволн. Здесь они ненадежны в отличие от указателей. Но это прошлогодний маршрут, и здесь были Приливы… дважды. Шанс нарваться на аномалию невелик…

– Но он есть, – закончил я. – Давайте-ка, Проф, в машину. Мы пойдем вперед, посмотрим. Хип, держи.

Девушка ловко поймала мешочек с гайками, еще один я закрепил на поясе. Хорошая штука, как ни крути. И тяжелая, и дырка есть, и, как писал классик, гвоздик для этой цели не годится. Жаль только, что магнитофонной ленты сейчас почти не достать, редкость большая, для музыки теперь катушечники разве что в музее или у коллекционеров найдешь. А летала гайка с лентой недурно. И дуга красивая, заметная, и подобрать «зонд» проще, и найти не проблема после броска. А самое главное – виден полет просто замечательно. На

этот раз примотал я к гайкам длинные полосы легкой упаковочной пленки и нарезанные в ленточку пластиковые пакеты из магазина. Непривычно, но сойдет.

Гайка, шурша ленточками, описала высокую дугу и ухнула в путаницу стеблей. И как будто не было двух лет в тишине и покое. Как будто только вчера вернулся из рейда, а сегодня новый поход. И руки вспомнили все, а голова уж тем более.

Захрустела трава под ботинками, длинная, ломкая, вся в пылеватой серой грязи. Удивительно мягко, без раскачивания и крена сполз с насыпи первый вездеход, за ним так же тихо и ловко спустился второй. И держит дистанцию Василий, внимательно следит и за сигналами от нас, и за скоростью. Тихие это машины. То ли пластиковая броня полностью «съедает» звук мотора, то ли и впрямь электрический движок настолько тихий, но слышу я только шум сминаемой широкими колесами травы и потрескивание гнилых веток. Правда, еще есть негромкое посвистывание – это быстро крутится на башне «чебурашка» дальнего детектора, водит круглыми «ушами»-антеннами. Все ближе коровники, уже можно и разглядеть пустые окна и просевшие внутрь крыши, и уже видно, что растут внутри них деревья, по маленькому такому лесочку в каждом здании. Очередная пара вешек, летают гайки, и уже потянуло едкой вонью, будто бы от одиноко стоящей в поле белой «Нивы», словно картечью, простреленной ржавыми пятнами. Но водительское сиденье пустое, видно сквозь вывалившееся стекло, а запах все крепче, сильнее, уже откровенно падальный. И вот он, источник вони – узкий канал через все поле с ручейком изумрудно-зеленой пузырчатой жижи. Гайку тратить не хотелось, и поэтому я взял ком подсохшей земли, кинул в ручей, заодно посмотрев на сканер. И от броска ничего подозрительного – влажно чвакнуло черной грязью, и детектор молчит, и внутри меня тоже все молчит, вроде как не протестует. Взглянул на Хип – кивнула стажер, махнула – вперед, мол, нормально.

– Эй, сталкеры! – высунулся с боковой дверки Бонд. – Если бяка вроде болота или канавы нарисуется, то у меня на бортах лесенки небольшие с нейлоновым тросом. Хотите сразу на крышу сигайте, а хотите сбоку болтайтесь, ноги поджав. У меня машинка, если что, купаться умеет и против водных процедур не возражает.

– Не в этот раз. Но приму к сведению, спасибо. – Хип бросила несколько гаек через канаву и с разбегу легко перелетела лужу, приземлившись как раз к «провешенному месту», где начала деловито собирать инвентарь. Ну, что же…

надеюсь, и я не потяжелел за время мирной жизни. Ух-х… ну, порядок. И даже с большим запасом. Хип глянула уважительно, слегка пихнула в бок, усмехнулась, шепнула: «Вот никогда ты мне не давал повыпендриваться», незаметно стукнула кулачком, и две гайки, помахивая пластиковыми хвостами, полетели проверять нам дорогу.

А вот и оно. То, что выглядит не так, неправильно, явно не ветки деревьев или арматура, торчащая из короба частично обвалившегося домика. Было это похоже на длинные, тонкие рога, трещиноватые, прямые, кораллами проросшие на гребне стены. И такие же точно на стоявшем торчком одиноком газовом баллоне – бесформенная серая нашлепка у вентиля, и от нее вверх два метровых шпиля, словно отлитых из свежего цемента. А травы у стены нет, и у баллона тоже – только холмик черного пера с яркими, белыми стержнями очинов на иссохшей, побуревшей тушке. Еще холмик, еще… и на стене тоже есть, а вон там, кажется, все, что осталось от некрупной крысы, – серый мешочек пустой шкурки. И гайку тратить не резон, понятно, что аномалия. Проверим маленькой чешуйкой кирпича, как оно среагирует.

И ничего не видно. Пролетел камешек нормально, стукнулся о стенку. Только в полете какой-то тихий звук хрустнул, словно разом порвался лоскуток гнилой мягкой ткани. Запомним. А чтобы лучше в памяти записалось, чтоб уж точно не забыть, бросим еще. Да, слышно: «шш-Ш-рх»… и как будто на секунду вокруг летящего камешка колечко дымное образовалось. И вот они, вешки. Как раз через «рога» ведут, рядом со стенкой. И правый прут пластиковый тоже с серым пятнышком. Стоп, машина, значит. И помечает что-то Проф в своем ПМК, а мы с Хип аккуратно, медленно, метр за метром ощупываем обходной путь, с хрустом лезем через мертвый ежевичный бурьян в такую же мертвую рощицу-сухостой из мелких, в руку толщиной, деревьев. Вроде чисто.

– Эй, Бонд! Авто не поцарапаешь? – поинтересовалась Хип в гарнитуру ПМК, и я в крохотном одиночном наушнике услышал смешок.

– Никак нет, товарищ барышня. Оно у меня танк, хоть и пластмассовый. И сквозь кирпичный забор ездить приходилось, покрытие позволяет. А тут фигня, спички. Посторонись на всякий.

И «спички» под громкий хруст и треск ломались и складывались прямо в воздухе под напором желтой туши вездехода, спрятавшего хрупкий детектор в башенке, звонко били в синеватое лобовое стекло, глухо кракали под колесами. Сильна

машина, вопросов нет.

– Урочище «Малое-4». – Зотов вышел из вездехода, внимательно осмотрелся. – Здесь была небольшая деревенька вон там, где лесок. Все заросло, и даже наш «Спектр» не пробьется – очень густое все. Домов не видно, но нам туда и не надо. А вот тут да… были сигналы с приборов.

И профессор махнул рукой в сторону шести длинных, почти развалившихся зданий, похоже, скотников. Стены, покосившиеся, покрытые глубокими трещинами, местами упали на землю, крыша почти нигде не сохранилась. У двух коровников в воздухе висели несколько высоких, метров по десять, столбов мелкой мошкары, слышался тонкий звон крыльев. Под ними дрожали на кустах и в траве бледные тяжи и потеки, что-то чавкало и похлюпывало. На самой земле кипела и вздрагивала обширная лужа белой слизи, покрытой множеством шевелящихся пузырьков и отверстий.

– Лунь, обратите внимание… местный организм-синцитий. По факту, мутировавшая и до безобразия разросшаяся амеба. В данный момент, по росе и мокрели, охотится на насекомых. Как пригреет, уползет в погреба возле вон того домика, где постоянно грунтовые воды. Интересное создание… сделаю небольшую демонстрацию. Это, право, любопытно, посмотрите.

Проф извлек из чехла маленький фотоаппарат, а из кармана – небольшой сэндвич в фабричной пластиковой упаковке.

– Хип, будьте добры, ткните ножом вот здесь, в крышке… отлично, как раз нужно небольшое отверстие. Я не очень люблю ветчину с майонезом. По мне, безобразное сочетание. А вы, сударь, угощайтесь.

И Зотов кинул бутерброд прямо в пластике, но не в саму лужу, а примерно в метре от нее.

– Немного терпения, друзья мои… ага. Частный случай хемотаксиса. Унюхал, значит.

Из лужи вытек маленький белый ручеек, разлился, пустил еще три потока в разные стороны, на некоторое время замер, после чего ручьи слились в один и на удивление быстро устремились к сэндвичу. Словно бледная молния, на

пластике разом возникла сеть белесых пульсирующих сосудов. Упаковка быстро заполнилась белой слизью, которая сразу пошла пятнами зелени, разбавилась розовым и красным.

– Пищеварительные ферменты исключительно концентрированные и весьма едкие. Минут за пятнадцать от угощения не останется ровным счетом ничего. Эти амебы обитают только тут, на других участках их никогда не видели. Любая животная органика долго здесь не продержится.

– Там в аномалии, Проф, птицы лежат. Гнилые, но нетронутые.

– Да. И пока там очаг, эти лужицы туда не полезут. Любопытное свойство чувствовать опасность. Кстати, обратили внимание? Май на дворе, но…

– Нет птиц, по крайней мере живых. Необычная тишина для леса и бывших полей. – Я взглянул на небо. – Отметил еще у границы. Но мертвые попадаются, и не столь давние, следовательно, залетают.

– Верно, Лунь. Зоны отличаются друг от друга, и эта характерна тем, что здесь нет летающих теплокровных животных, совсем нет. Причем это даже проблема – птицы, в том числе перелетные, совсем не чувствуют опасности и гибнут в аномалиях. Но даже если и не попадают в сам очаг, то все равно падают даже из-под туч. Что-то их убивает, и по одной, и сразу целыми стаями, но вот что – мы до сих пор не знаем. Никаких повреждений, совершенно никаких, множество раз изучали тушки самых разных птах – у них просто останавливается сердце. Причем люди на вертолетах над этой Зоной всегда летали без последствий, да. Мы даже как-то взяли с собой клетки с воробьями, синичками и скворцом в вертолет. В порядке эксперимента. И… все они погибли. Единственная выжившая пичуга умерла через два дня, как мы вернулись. Сидела в вольере и вдруг просто упала прямо на моих глазах, как подстреленная.

– Я бы на всякий случай запретила полеты над местной Зоной, – задумчиво сказала Хип.

– Мы так и сделали. До тех пор, пока не ясно, что в этом небе, лучше по нему не летать. Но, видите, какая ситуация… гибнут не только птицы, но и летучие мыши. Кроме местных пернатых и соответственно местных же рукокрылых.

– Местных?

– Ну, да… и те, и другие сильно изменены. Они теперь нелетающие. Я полагаю, мы их еще встретим. А пока немного подождите, друзья. Скачаю данные.

Зотов подошел к высокой треноге с оранжевым ящичком, открыл снизу дверцу и присоединил к какому-то гнезду кабель ПМК. Потом проверил несколько камер фотоловушек, покачал головой, разочарованно вздохнул.

– Почти все кадры испорчены последним Приливом, но кое-что сохранилось. И это наверняка будет какая-нибудь чепуха. Любопытный закон. Если камера сделала сто снимков за год, возможно, уникальных, то данные будут испорчены аномалией. Если ловушка сделала всего пять фотографий, то они будут каким-либо вздором, но в отличном, детальном качестве.

Лужа протяжно, громко залопотала, словно кто-то с силой начал прихлебывать суп через край тарелки, затем собралась в приплюснутый, ноздреватый шар и, переваливаясь, покатилась к хорошо заметному отсюда провалу в земле возле ветхой надстройки погреба.

– Можно сказать, утро закончилось. – Проф улыбнулся, провожая глазами мутанта. – И нам тоже пора. До вечера нужно побыть на «Канале» и в «Залесье-1», где и устроим ночевку.

– Проф, крепко мы вас нагрузили, только честно? – поинтересовался я вполголоса, когда профессор проходил мимо, «листая» снимки на ПМК.

– А? Нет, нет, что вы. Напротив. Экспедиция сюда все равно намечена на конец июня, так что все в порядке, поверьте. А что касаемо сроков, то я все-таки не последний ученый в НИИАЗ, чтобы ослушаться Яковлева и самому назначить время, место и, главное, продолжительность выхода в Зону. Не берите в голову, друг мой. Я даже рад такому стечению обстоятельств – мне очень не хватало полевой, настоящей работы. А если при этом можно помочь старому другу, то мне еще лучше.

– Спасибо вам, от души просто…

– Прошу вас, не благодарите. Вы тоже здорово нам помогаете! Мне гораздо, гораздо спокойнее и увереннее идти в компании двух сталкеров с хорошей практикой, чем с кем бы то ни было еще. Единственная проблема – Яковлев. Хорошо, если он не познает о нашем совместном походе. Но если вдруг такое и случится, то… – Проф подмигнул, – старый московский хулиган найдет способ выгородить товарищей, не дать в обиду.

И профессор, хлопнув меня по плечу, прыгнул в вездеход.

– Бонд, я посмотрю выезд, прием, – прожав кнопку гарнитуры, сказал я в микрофон.

– Принято, жду, – послышалось в наушнике.

И не только выезд мне посмотреть нужно, факт. То есть, конечно, тоже, но не за этим я обошел пень древней, давно упавшей ветлы и сел на траву. Здесь я, Пенка. Я пришел на север, за реку. Отзовись…

Тишина. По-настоящему мертвая тишина в мыслях, ни искры, ни отблеска перед закрытыми глазами. И в Гомеле молчание. И в Брагине-2 ночью, на балконе. Но только сейчас вдруг тяжело потянуло за сердце, тоскливым тошным ощущением утраты: погибла, не успел я приехать и помочь. И гоню эту мысль, не хочу даже думать о ней.

Подошла Хип, мягко взяла за руку, взглянула в глаза и все поняла без слов. Помрачнела, вздохнула.

– Пойдем, сталкер. Не переживай так, не может быть, чтоб она в Зоне пропала, для нее здесь родной дом, где все она знает и со всеми дружит. А с кем не дружит, то ты видел, как она своей рукой нехороших зверюг отгоняла. Такой рукой себя в обиду не даст. Я верю, жива она.

Надо же, поддерживает меня Хип и улыбается даже, но глаза-то уже блестят, и улыбка дрожит немного.

– Конечно, жива, стажер. Конечно. – Я встал, крепко обнял девушку, погладил по светло-русым волосам, заплетенным в косу. – И мы ее обязательно отыщем.

* * *

«Малое-4» осталось за спиной, с усыпанной птичьими тельцами аномалией, развалившимися коровниками и домами, надежно укрытыми лесом. Бывшее поле, ровное как стол, покрытое короткой, жесткой травой с отдельными куртинами высохшей полыни, тянулось почти на полтора километра до чахлого, редкого леса. Лениво крутился на одном месте стройный полупрозрачный столб желтой пыли и травяного сора, постепенно теряющийся в небе, еще один такой же был виден у опушки. Ровная, как по линейке провешенная «дорога» вела далеко от них и лишь раз круто вильнула в сторону, обогнув неглубокую, но обширную воронку в земле с почерневшим, рыхлым грунтом. Детектор, проигнорировавший «рога», на этот раз дал короткий прерывистый писк в гарнитуру, после чего неожиданно для меня сообщил в наушник тихим женским голосом: «Аномалия. Тип четыре, смешанная природа». М-да, еще один шаг техники. Это, конечно, интересно, но надо бы на привале отключить излишнюю общительность прибора. Пусть только пищит и, главное, вовремя пищит. А вот болтать в ухо сталкеру не надо, я лучше это на экране прочитаю, буде такая необходимость образуется. Идем дальше. Подобрал брошенную гайку с пучком ленточек, аккуратно нарезанных из тонкого «магазинного» пакета, поднял. Зашелестели полоски, распушились в разные стороны, и чувствую, как волоски на руках тоже шевельнулись. Статика. А статика в Зоне ничего хорошего впереди точно не обещает.

– Стоп! – Я поднял кулак, и вездеходы замерли, но еще раньше буквально застыла Хип. – А теперь вот тихонько, тихонько назад, стажер…

– Что там? – послышалось в наушнике.

– Электрика, шеф. Проверим обход.

– Да ладно… машина заизолирована, лезьте в танк, проскочим, – добродушно хохотнул Бонд в микрофон.

А вот это ты зря, мужик, честно, зря. Нельзя в Зоне вот так весело, с юморком на рожон переть, понадеявшись на технику и подлый «авось».

– Ты к жене вернуться хочешь, лейтенант? – спросил я, не поддержав шутливый тон.

– Вас понял, – после короткой заминки, но уже предельно серьезно ответил Бонд. – Косяк. Исправлюсь.

Теперь думай, Лунь. Гайкой я дорожку не проверю… аномалии впереди не видно, и это очень паршиво, так как она там есть гарантированно. Хороши те электрические пакости, которые себя обозначают: пятно остеклованное, трубочки-фульгуриты из сплавившегося песка разбежались – это, значит, границы и есть. Туда и гайкой можно кинуть, прощупать ту самую линию. А вот если на земле впереди нет ни фига, а в воздухе все равно шипит что-то и волоски на руке дыбом, то гайку вперед кидать не надо, ох как не надо, ребята. Потому что она спокойно пролетит вперед и ничего тебе не покажет. Это, правда, в том случае, если сегодня хороший день и тетка с пустыми глазами на свидание не торопится. А вот если твои звезды в конкретную фигу сложились, то может эта гайка стать тем самым кусочком металла, который нарушит хрупкую воздушную «изоляцию». И так оно ахнет, что от мгновенно вскипевших жидкостей организма комбез рвет паром на длинные такие лоскуты – там не просто разряд, а натуральная слепящая молния с громом и раскатами. Наблюдал, прямо скажем. И вот неохота мне проверять, справится ли защита «Спектра». А детектор современный, так сказать, последнего поколения, на этот раз помалкивает. Привычно все, в общем. Ну, вот ни разу на моей памяти «ботаники» не собирали настолько умной машинки, чтобы действительно стабильно работала и все чуяла. Зона всегда хитрее оказывается.

– Хип, давай еще немного назад, отступаем, но не торопимся.

– Поняла. «Статик»?

– По всем приметам он самый. Тут они, видимо, тоже есть… и место открытое, плоское, в самый раз для него. Вопрос теперь, как с границами, насколько он здоровый тут и много ли силушки набрал.

– Может, пустой «Зверинец» вперед отправим, проверим? Там можно, дистанционным управлением, – предложил выглянувший из люка Кора. – И если нормально все, то и мы за ним проедем.

– Дороговата гаечка выходит, чтоб дорогу прощупывать, рядовой. Бесхозяйственность это. Не позволю обижать машинку, а то сломается. – Неунывающее настроение вернулось к Бонду, но на этот раз, судя по всему, в нужной пропорции. – Какие твои предложения, Лунь?

– Отсюда сильно назад, потом в сторону. Не нравится мне этот путь, другой нужен.

– Добро, – кивнул профессор. – Так и сделаем.

Вот она, сталкерская рутина. Назад, еще раз назад и сразу влево от провешенной «институтской дороги», идти надо мелким неторопливым шагом, гайки кидать вперед недалеко и аккуратно и смотреть и прислушиваться. Вот уже и пылевой столб ближе, и какой же он все-таки здоровый – видно, как ползут, бегут к нему ручьями по земле ветерки с травяным прахом, и шумит он несильно, даже ласково, как бриз в соснах у нашего дома. Но «статика» вроде нет, уже хорошо, плавно выруливаем на прежний курс, и снова чисто вроде бы, и тихо-тихо вперед, самым малым ходом. У, зар-раза… опять ленточки поднялись на гайке, и бросать не надо.

– Сдаем назад. Приехали, ребята.

– Может быть, через турбулентность попробуем, Лунь? – предложил Проф. – Смерч только выглядит неприятно, но, по всем наблюдениям, большой опасности нет.

– Через аномалию предлагаете, Проф?

– Так да. Это незначительный перепад давления гравитационной природы, и в Зоне, здешней Зоне, такие не редкость.

– Нет, профессор, не пойдет такой расклад. Даже в безобидных аномалиях встречаются обидные сюрпризы, рисковать не будем. Меня другой вопрос интересует. Бонд, ты ведь не первый раз катаешься здесь, да и других пилотов знаешь, верно?

– А как же. Пятый выезд на счету.

– Вопрос в студию тогда. Как конкретно ты и все твои соратники по ремеслу относитесь к тому, чтобы по своим следам обратно возвращаться, ну, той же самой дорогой? Среди местных полевых ученых, там, в виде слухов, приметы какой-нибудь, даже дурацкой, ничего не проскакивало?

– Да не… – Лейтенант немного подумал. – Точно нет, ничего такого не слышал. Под конец экспедиции мы даже на автопилот машинку ставим зачастую, и она по своим следам сама обратно едет.

– А потом робота запускаем на базе такого же «Спектра», если маршрут был новый, – добавил Игорь Андреевич. – И он по этой дороге, записанной в бортовой компьютер, вешки ставит на будущее. Можно было бы, конечно, и без этих прутьев, но электроника в Зоне иногда сбоит, мы перестраховываемся.

– Знаете, Проф, бросайте это дело с провешиванием. В две аномалии уже этот якобы безопасный путь завел, так что ни к чему оно. А вот что касается обратных дорог, то это хорошо. Возвращаемся назад, к окраине поля, и вдоль во-он той опушки попробуем пролезть, она вроде зеленеет местами, живая.

– Крюк получится большой, это мы, считай, втрое путь до «Канала» увеличим.

– Бензина не хватит, Бонд? – серьезно поинтересовалась Хип, и лейтенант усмехнулся, пригладил усы.

– Да не, барышня. Эту бибику хорошо заправили, надолго. Еще годик послужу и выцыганю в НИИ такой же движок для своей домашней ласточки. Недешево, конечно, это как еще одно авто купить, но все равно экономия выйдет со временем.

– Тут дороги интересные, товарищ лейтенант. – Хип пожала плечами. – Чем медленнее, тем быстрее, и чем дальше, тем ближе. Не любит Зона прямых путей. Готовы?

И провела нас опушка вдоль частых кустов тальника, молодых, чахлых сосенок и узлами завязанных елок лучше всякой «безопасной» тропы Института, аккуратно провешенной и занесенной в память вездехода. А поле, на которое я больше ни ногой, осталось слева, вместе с пылевыми столбами и незримым куполом воздушного «статика». В лесочке по-весеннему, по-апрельски расцвела мать-и-

мачеха, если это, конечно, была она, но желтые соцветия, хоть и вымахали размером с десертную тарелку, были очень похожи. Между стволами в молодой чаще были видны еще какие-то цветы, синие и тоже крупные, и летали у опушки самые простые, «земные» бабочки-лимонницы. Профу, похоже, совсем не сиделось в вездеходе, и он время от времени выпрыгивал из него прямо на ходу и шел рядом, вместе с нами следя за бросками гаек и с неподдельным интересом останавливаясь возле цветов или разглядывая мелкую живность в лужах, которых становилось все больше. Местность медленно шла под уклон, опушка сменилась низким красноталом и пучками рогоза возле узкого, болотистого канала, сплошь заросшего тиной и ряской, а под ботинком начала чавкать бурая влага. Здесь, как я понял, располагалась вторая точка намеченного Профом маршрута. Сам «Канал» представлял собой небольшой поселок. Позеленевшие до половины высоты стен, стояли у самой воды полтора десятка кирпичных и деревянных домов с почерневшими от сырости рамами и полусгнившими дверями, блестели мутные, покрытые разводами плесени стекла. Один из домов просто сполз по склону и опасно накренился, утонув в воде почти по самые окна, и было слышно, как в темноте в затопленных комнатах что-то тихо булькало с таким звуком, словно кто-то набирал воду в погруженную бутылку.

– Что-то совсем подтопило домики, – задумчиво сказала Хип. – Странно. Неужели на болоте строились?

– Нет, уважаемая, конечно, нет… – Проф внимательно изучал камеру-ловушку. – Здесь как раз, до аварии в восемьдесят шестом, местность с помощью вот таких каналов осушали для хозяйственных нужд. А после обратно затопили, чтобы избежать возможных пожаров. В земле цезий, америций, здесь местами до сих пор очень много радионуклидов, и нельзя, чтобы они с дымом разлетались на еще чистые земли. М-да… Лунь, взгляните-ка на это.

Проф снял камеру с кронштейна, раскрыл водонепроницаемый корпус.

– Это не похоже на воздействие аномалии. Кто-то залил микросхемы каким-то раствором, видимо, солевым, и все испорчено, в том числе и данные. Видите этот налет? Такое же точно повреждение бывает при воздействии «серого тумана», он здесь не редкость, но после него нет таких кристалликов. Это чье-то замаскированное под аномалию вредительство, сталкер.

– Да, похоже на то. Но зачем и кому это нужно?

– Совершенно непонятно… после серии сигналов все приборы в этой точке дружно вышли из строя около восьми месяцев назад, в октябре того года. Но кто? Ученые не могли, экспедиций с того времени не было, да и зачем им вредить? Сталкеров тут не бывает.

– Это еще неизвестно, Проф. Проверьте вторую камеру пока, а я пойду осмотрюсь. Хип, прикрой.

Девушка кивнула, щелкнула предохранителем автомата и, проверив путь гайкой, бесшумно прокралась за угол ближайшего сарая-дровяника. Я тоже приготовил оружие и, скрываясь за стенами брошенных домов, пошел вдоль короткой улочки к обширным зарослям сирени, скрывавшим центр деревни.

– Лунь! – послышался негромкий голос Профа. – Вторая камера тоже испорчена, таким же образом.

Я не ответил, напротив, махнул Профу, чтобы он вернулся под защиту вездехода. Между кустами сирени показался бок кустарно выкрашенной «под камуфляж» «Шевроле Нивы». Взяв ее на прицел, я аккуратно прокрался вдоль ветхого штакетника поближе и заметил еще одну машину, «уазик», такой же серо-пятнистый с прозеленью и без номеров. Прикрыв микрофон рукой и пригнувшись к земле, в траву, так, чтобы меня гарантированно не было слышно уже в пяти шагах, я нажал кнопку связи.

– Хип, две машины. Сразу за кустами. Давай потихоньку сюда, прикрываю.

– Принято, двигаюсь.

И хорошо идет Хип. Ни сучок не щелкнет, ни ветка не качнется. Даже при желании не могу увидеть, где именно крадется стажер.

– Вижу машины, две, и палатка, – послышался тихий шепот в гарнитуре. – Тебя не вижу.

– Хорошо. Держи это все под прицелом, выдвигаюсь.

– Поняла, держу.

Хорошо, что здесь пригорок. Не хотелось бы локтями в «Покрове-2» по лужам шлепать, промокает эта ткань на раз. И кусты удачные – как раз у самой земли начинаются, и не сказать чтоб очень густо, можно и пролезть, и ветку не потревожить. Зацветет скоро сирень, набухли белые бутоны, готовясь стать кистями, не иначе, с тех самых пор тут растет, как посадили кустик в жилой еще деревушке. Та-ак… вон и палатки, две, из зеленой ткани, прогнулись, обвисли заметно, листьями присыпаны. Очаг из кирпичей, хорошо, грамотно сложенный, чтоб и огня не особо видно было, и котелок поставить можно, который, кстати же, и стоит. Куртка-«дутик» на земле валяется, сапоги у очага резиновые, и возле «уазика» кто-то одежду разбросал, джинсы, снова утепленная куртка, но уже из зеленой плащевки. У стены дома ружье прислонено, помпа «ижевская» МР-135, и «калаш» с ней рядом, порыжели стволы, всерьез взялись ржавчиной. Машины тоже на спущенных, у «Нивы» дверь открыта, и в салоне, на полу, листва жухлая, а в нескольких шагах от двери опять какие-то тряпки. И я уже догадываюсь какие – две берцовые кости из ботинок торчат, там, где покоробившиеся штанины задрались. Значит, Проф, сталкеров тут не бывает, да? Интересно в таком случае, кто были эти товарищи? Явно же не туристы.

Нащупав кусок кирпича, я коротким замахом кинул его в соседний куст, чтобы он хорошо, заметно хрустнул. Если засел кто в домах, то непременно на звук поведется, пусть и не сразу, но или стволом двинет, или через некоторое время сам вылезет. Правда, почти не сомневаюсь я в том, что, кроме нас, ни одной живой души в «Канале» давно нет, но осторожность еще никому и никогда в таких местах не вредила. Но – да. Тихо все. И по ходу, давно уже тихо, мертвый лагерь во всех смыслах.

– Хип, чисто. Выхожу к машинам, посмотрю, что там.

– Приняла.

У воротника куртки-«дутика» улыбался в небо желтый череп на подушке из грязных черных волос. «Тряпки» возле машин тоже оказались скелетами в заплесневелой, покоробившейся, но внешне почти целой одежде, только в остатках шерстяных свитеров виднелась пыльца мертвой моли и россыпи пустых черных коконов. Итого четыре… нет, уже пять бывших бродяг, так как в ближней палатке наблюдаю подошвы армейских ботинок. Котелок на импровизированном очаге с лужицей дождевой воды, рядом пакет с упаковками от сухих пайков, окурками и пустыми банками – не сорили, аккуратно собирали

все следы. И нет признаков стрельбы, не видно пулевых дыр на машинах и стенах домов, гильзы не валяются. Этот, в «дутой» куртке, сидел на табуретке у огонька, тот, у «Нивы», наверно, просто спал, как и еще один в палатке. Двое у «Нивы», судя по положению тел, просто свалились с ног прямо в процессе разговора. И это не аномалия, почти уверен, что не она, – лагерь-то разбили нормально и даже почти обжились. И не твари тоже – скелеты не тронуты.

– Проф, в том году «Прилив» был над этим участком? – спросил я в гарнитуру.

– Да, был, и весьма сильный, – прозвучало в наушнике. – В самом начале октября того года, насколько помню. Причем никто его не ожидал. По прогнозам, над этой местностью должно было быть чисто, о чем и сообщили всем сотрудникам.

– Можете подходить. Предупреждаю, тут пять трупов. Думаю, как раз они под Вспышку и попали.

Профессор, очень серьезный, сосредоточенный, внимательно осмотрел то, что осталось от тел, покачал головой.

– Я… я даже и не знаю, что сказать, сталкер. Здесь не должно было быть никого, кроме наших сотрудников. За окраиной следят, работают сенсоры, а тут прямо на машинах… интересно, кто же это был?..

– Сталкеры, Проф, а сталкеры бывают разные. И были они тут не просто так… похоже, решили устроить привал или даже временную перевалочную базу. И что-то мне подсказывает, что была у них связь с кем-то из НИИ, свой человек. Который не предупредил ни о ваших камерах-ловушках, которые они нашли сами и несколько сымпровизировали им кончину. Ни о Приливе, о котором он и сам не знал.

– Но… но что им тут делать? Местность, скажем так, совсем не выгодная.

– Я догадываюсь, Проф. Но надо проверить.

Дверь задка «Нивы» немного приржавела, и пришлось повозиться с замком. Но у Бонда в машине нашлась длинная, крепкая отвертка, и дверца с натужным скрипом поддалась.

Внутри за сиденьями лежали шесть белых «сахарных» мешков и какие-то зеленые ящики с иностранной маркировкой. Под удивленным взглядом Профа я вспорол грубый шов, вытащил и расстегнул большой пакет с губчатыми, легкими кусками темно-коричневого «лишая». В воздухе разлился кисловато-сладкий запах с неприятными, душными нотами.

– Знакомо… – Хип покачала головой. – Слышала раньше о тех, кто промышлял этой дрянью. Это «сонный лишай», гнилая тема. Они не сталкеры, Проф, это натуральные бандиты.

– Кладония сомнифера, ядовитый мутантный лишайник с речных островов Припяти. М-да… очень, очень дурное средство из него синтезируют, друзья мои. – Профессор осторожно достал еще один пакет, взвесил на руке. – Но его не довезли, да…

– Игорь Андреевич, я бы на вашем месте не сообщал о находке в отдел безопасности НИИАЗ, – негромко проговорил Бондарев.

– Что вы хотите этим сказать, лейтенант? – холодно спросил Проф.

– Хочу сказать, что для участников экспедиции это может быть очень опасно. До тех пор, пока мы не в курсе, кто именно из Института координировал работу этих ребят, а кто-то точно это делал, вы можете оказаться в опасности, профессор. Сообщите напрямую Яковлеву, и только ему.

– Я согласен с Бондом, Проф. Никому до тех пор, пока не выйдете на академика лично. В НИИ наверняка есть крыса, и скорее всего она окопалась именно в отделе безопасности. Поэтому туда сообщать не надо.

– Рядовой Кора… – Бонд повернулся к вездеходу, из которого высунулся немного побледневший Корнейчук. – Если ты хотя бы выражением лица намекнешь на то, что видел и слышал, вылетишь из отдела со свистом. Отправлю домой в Архангельскую область дослуживать, но сначала язык откручу и на грудь тебе же повешу заместо медали.

– Товарищ лейтенант! Ну че вы все ругаетесь, разве же я дурной, ну? – обиженно протянул рядовой. – Да я не то что болтать кому, да я после службы вообще забуду всю эту Зону к чертям собачьим.

– Этих наверняка искали, а может, и до сих пор по Зоне ищут. Шансы на это невысоки, но все же есть. Поэтому смотреть в оба, слушать моторы и вообще не расслабляться. Полюбовно мы с ними все равно не разойдемся, им свидетели не нужны. – Я осмотрелся. – Их было пятеро, вон там стоят два ствола, конечно, уже убитые ржавчиной по такой погодке. Соответственно где-то еще есть пушки, надо поискать, вдруг рабочие. И вообще, Проф, опротестуйте вы это неумное правило, чтоб стволы только у сопровождения были. Не думаю, что ученые настолько дурной народ, чтобы друг друга перестрелять в научной дискуссии или не знать, с какой стороны за автомат взяться.

– Вы там пушки искали, да? – печально и торжественно спросил Бонд, исследующий УАЗ. – Ты как в воду смотрел, Лунь. Тут машинка стволами под завязку набита, до крыши, черт бы ее подрал. Прямо в ящиках, с завода, считай. Натовские все, по ходу, контрабанда. Охренеть. Еще взрывчатка, пластит, килограммов двадцать в расфасовке, и детонаторы. Тут, считай, можно пехотный взвод вооружить и еще про запас останется. И да, там еще один старый жмур лежит, в кустах за домом, вон, ноги вижу. Не нравится мне это, друзья-товарищи. По-хорошему, ничего тут не трогая, надо бы свалить нам. После таких находок живыми редко оставляют.

– Итого – шесть. – Я взглянул на «уазик». – Проф, их столько месяцев не находили. Тут одно из трех. Или рейд по поиску груза не удался и они рукой махнули, но это… очень маловероятно, такой товар не бросают. Или контрабандисты другого отряда тоже погибли, что для нас лучше. Или… самый паршивый вариант остается, который, по закону подлости, будет единственно верный.

– Какой же?

– Такой, что тут налажен целый поток, и потеря одного каравана не слишком чувствительна, хотя здесь, считая с оружием, многие и многие тысячи в американских рублях. И шанс нарваться на очередных караванщиков весьма велик, учитывая глухомань и закрытость этой Зоны. А там… – я неопределенно махнул рукой на юг, – в свое время много оружия завезли, тонны. База западная для охранения Периметра, которую бросили во время срочной эвакуации вместе со всеми складами. Оттуда дровишки, как мне кажется.

Бонд, кряхтя, выволок длинный ящик из машины, положил на землю.

– «Хеклер и Кох». Ящик, правда, не родной и маркером подписан. Глянем?

– Естественно.

Отверткой, той самой, которой была вскрыта «Нива», я со скрипом отжал доску кустарно сбитого ящика, где под пленкой и несколькими слоями плотной вощеной бумаги обнаружились мелкие пенопластовые кубики, сухие и сыпучие. Уже хорошо, влага не пролезла. Я аккуратно, стараясь не рассыпать по земле слишком уж заметный на темном фоне белоснежный пенопласт, вытащил штурмовую винтовку. Да, ребята. Такого я не встречал у барыг Зоны даже в самые роскошные дни. Четыреста шестнадцатый «Хеклер и Кох», в современной «длинной» модификации A5 20, неброского, матово-черного цвета. Новенький ствол, ни царапины, и уже с хорошей оптикой в защитных крышечках – Leupold VX-R 3–9x50. Ничего себе…

– Эй, Лунь… ты это, не смотри на нее так. Не влюбляйся, в общем. Наверно, сдать придется, если и заберем груз, – вздохнул Бонд.

– Да разве ж кто видел, что я ее взял? – улыбнулся я. – Хип, ты видела?

– Не.

– А вы, Проф?

Профессор покачал головой и улыбнулся.

– Ну а если серьезно, Бонд, то нам сейчас могут понадобиться все руки, которые в состоянии держать оружие. Извини, но я тебя ставлю перед фактом, что этот ствол я заберу. Возможно, даже насовсем. Но на время экспедиции – точно. Хотя и крепко надеюсь, что стрелять нам не придется.

– Ладно, сталкер, так-то ты все верно разложил, крыть нечем. Хорошо, я ничего видел. – Лейтенант грустно вздохнул. – А чтоб я совсем-совсем ничего не видел, посмотри, нет ли там еще такой же цацки? Чтоб заодно и ее забыть?

Вторая «цацка» нашлась под первой, и почти той же модели, единственно, ствол был короче и в качестве прицела стоял коллиматор Trijicon. И к ним на самом дне

ящика в сугробах пенопласта лежали антибликовые бленды, восемь запасных магазинов в полиэтиленовой запайке, сошки, два комплекта для ухода и даже буклеты с инструкцией. Лейтенант взял свою винтовку, уверенно подбросил к плечу, отрегулировал под себя выдвижной приклад.

– Ослеп. Совсем ослеп, ребята, и память подчистую отшибло, – буркнул он, со всех сторон разглядывая приобретение.

– Такой сталкер пропадает под погонами, – восхищенно вздохнула Хип.

– И неправда ваша, барышня. Я присягу давал и оную соблюдаю, – довольный Бонд повесил автомат на плечо. – А поступаю я сейчас согласно пункту восемнадцать отдельных правил армейского контингента, что при исполнении воинского долга в условиях АЗ военнослужащий имеет право экспроприировать и применять любое стрелковое оружие, если замена штатного автомата оправданна и целесообразна. Кстати, барышня… присмотрите и вы себе подходящий шпалер, раз уж пошла такая пьянка.

Хип охотно помогла вскрыть еще два ящика, в которых оказались около десятка ПП той же немецкой фирмы, но они ее явно не устроили – все-таки в условиях Зоны такое оружие слабовато. Зато в пяти плотных картонных коробках под самой крышей обнаружились кордуровые чехлы с гораздо более интересными стволами.

Девушка расстегнула молнии кофра-переноски и освободила от упаковочной пленки легкий, изящный FN SCAR-L светло-бежевого цвета.

– Товарищ лейтенант… если мы сдадим не пять таких стволов, а четыре, будет ли это большим преступлением или нет? – спросила Хип, с явным удовольствием, даже с восхищением рассматривая бельгийскую штурмовую винтовку. Интерес стажера к хорошему оружию я подметил уже давно, еще после первых совместных выходов, и он явно не остыл до сих пор.

– Вообще да, преступлением будет, – серьезно ответил Бонд. – Дело это подсудное, и можно присесть всерьез и очень надолго. Но у меня, барышня, это уже пятый выезд не на армейский полигон, а в Зону, где я и жив только и исключительно благодаря нарушениям правил и законов ради выполнения приказа и сохранения жизни подчиненных. А я боевой офицер. И пока нахожусь

здесь, с вами, и выполняю приказ, то все правила, уставы и прочая хрень собачья останутся там, где они приняты и где им самое место – на Большой земле. А здесь они не нужны, мы не на плацу. Здесь нужно, чтобы Проф живым остался и этот енот Кора тоже, чтоб я его живым и по возможности здоровым мамке вернул после службы. И если уж мы с вами, сталкеры, выполняем одну боевую задачу и, если придется, на одной стороне сражаться будем, то вы хоть на танке рассекайте, я слова не скажу и про этот самый танк забуду на фиг сразу по возвращении. Я понятно выразился?

– Понятно. Спасибо.

И я в первый раз за всю, наверно, «сталкерскую» карьеру здесь, в Зоне, крепко пожал руку военному как своему, как другу. А ведь когда-то давно наши бродяги с вашими бойцами воевали, товарищ лейтенант, но времена, по счастью, иногда меняются.

– Как вы относитесь к импортным стволам, Проф?

– Ну, не очень. Вряд ли управлюсь, по правде говоря. Всегда «калашников» пользовал, он мне и по руке, и привычный, и верю я ему, это хорошее, надежное оружие. Сколько километров по Зоне вместе отшагали.

Бондарев кивнул, и я передал автомат лейтенанта профессору, а Хип вернула АК-74М рядовому Корнейчуку как законному владельцу.

– Проф, вы за командира. – Бондарев повернулся к Зотову. – Спрашиваю официально… что будем делать с остальным оружием? Там целая машина битком, даже на сиденьях ящики. Оставлять никак нельзя, а ликвидировать – рука не поднимется.

– Ликвидировать и не нужно. – Профессор взглянул на УАЗ, поправил очки. – Мы поступим следующим образом. Институт имеет некоторый штат полевых сотрудников и военных специалистов, работающих в Зонах. Высококачественное оружие им всем очень бы пригодилось. Поэтому мы сейчас все перенесем в вездеход, я сделаю официальную опись всех находок, за исключением, разумеется, того оружия, которое уже обрело хозяев. Вы, лейтенант, распишетесь, заверите перечень как представитель военного контингента. Мы имеем право это сделать, так как по закону все найденное в Зоне, принадлежит

только и исключительно НИИАЗ до дальнейших распоряжений надзорных органов. Затем я связываюсь напрямую с Яковлевым, он присылает сюда своих людей, чтобы по возвращении из экспедиции передать с рук на руки все согласно списку. Яковлев как главный руководитель Института на государственном уровне оформляет находку в собственность отдела безопасности НИИАЗ, благо карт-бланш на это давно получен. Как вам такой план?

– Не вижу никаких проблем. – Бонд кивнул, с уважением посмотрев на профессора. – И вы уж попросите Яковлева, чтобы этот ствол на меня оформили как табельный. Все-таки в Зону часто катаюсь и хочу этой красавицей владеть официально, на законных основаниях.

– Добро, непременно сделаю такой запрос. А теперь давайте-ка немного потрудимся, друзья. Бонд, открывайте грузовой отсек.

И полтора десятка MP-5, еще шесть кустарно сбитых ящиков с попарно уложенными в пенопласт «длинными» HK-416 в современном варианте, два пулемета FN Minimi в разборе, один «Баррет» с боекомплектом и четыре FN SCAR-L перекочевали в объемистое нутро «Спектра». Под оружием в «уазике» нашлись и металлические зеленые ящики с патронами, и, разумеется, один из них мы дружно распотрошили, распределив поровну плотные картонные пачки SS109 cartridges 5.56 mm. Взрывчатку заносить в вездеход Бондарев категорически отказался даже раньше, чем про нее вспомнил Зотов, и мы охотно поддержали идею лейтенанта. Два ящика с пластитом было решено припрятать в одном из ветхих домов. В «бардачке» машины Бонд нашел с десяток футляров с лазерными «патронами» холодной пристрелки под разные калибры, один из которых перебросил мне.

– Держи, на привале настрой оптику, не помешает. Ценная вещь, рекомендую. Сохрани.

– Добро, спасибо. – Я сунул «лазерный» патрон в нагрудный карман. Ни разу не пользовался, но был наслышан. Некоторые бродяги приобретали, хоть и недешевое это удовольствие, но так и боеприпасы сохранить можно, которые тоже ни разу не за фантики приобретались, и не страшно лишний раз прицел снять.

– Теперь вопрос, что делать с мерзостью. – Проф пнул белый мешок с «лишаем». – Я не хочу к этому даже прикасаться. Надо это как-нибудь надежно уничтожить, чтобы оно гарантированно ни в чьи руки не попало.

– Сжечь? – предложил Кора.

– Нет, никакого огня здесь не будет. Опять же, будет выделяться много не только заметного издалека, но и высокотоксичного дыма, а сейчас, заметьте, почти полное безветрие.

– Есть идея, Проф. – Я вывалил пакеты с лишайником из мешка, затем бросил в него три кирпича из бывшего костра. – Хип, подсоби. Держи горловину открытой.

Работа спорилась. Острый нож легко пластал тугие бока полиэтиленовых пакетов, губчатые ошметки сыпались в мешок. Посмотрев на мои действия, Бонд привлек рядового, и в два ножа мы быстро распотрошили все упаковки. Мешки, утяжеленные кирпичами, плюхнулись в заросший канал и медленно, неохотно ушли под воду, выпустив массу мелких пузырей.

– Тела, точнее, кости, придется пока оставить, – профессор вздохнул, как мне показалось, даже с сожалением, – возможно, они не были хорошими людьми, если занимались подобным… бизнесом, но каким бы человек ни был, он не заслуживает лежать и гнить вот так, под открытым небом. Однако же не будем трогать останки, их должны будут посмотреть следователи отдела безопасности. Я попробую связаться через спутник с Яковлевым, надеюсь, это получится, так как именно со связью тут значительные проблемы.

Бонд быстро взглянул на часы.

– Отстаем от графика, Проф. На третью точку такими темпами мы сегодня не успеем точно. Предлагаю убраться отсюда подальше и до темноты встать на прикол в каком-нибудь тихом месте, приготовиться к ночевке. Да и обед у нас пролетел, похоже, и ранним ужином надо будет это дело компенсировать.

– Хорошо, уважаемый, не возражаю. Попробую пока в дороге выйти на связь через спутник. Может, под вечер сигнал пройдет… – Профессор сел рядом с водительским местом, раскрыл ноутбук, пощелкал клавишами. – Нет, опять то же самое. Плохо сегодня с дальней связью. Видимо, началась аномальная

ионизация над Зоной. Если сегодня ночью будет «северное сияние» над облаками, то это точно она. Не случилось бы Прилива.

– Авось свинья не слопает, Проф, если высшие силы не разрешат. – Бонд запрыгнул в вездеход. – Поехали, други.

* * *

Привал было решено устроить в небольшом лесочке, у невысоких песчаных гряд и котлованов. Вездеходы завели в ложбинку, в которой стояли несколько больших бетонных колец и завалившийся штабель плит с проржавевшей арматурой. О том, что здесь когда-то было строительство, говорили и несколько насквозь ржавых, светящихся, словно решето, вагончиков-бытовок, и столбы недостроенного моста через очередной заросший канал с гнилой водой. Рядом с горкой строительного щебня неподвижно висело в воздухе широкое десятиметровое кольцо, словно отлитое из свежей блестящей ртути, и немного в стороне еще два других, поменьше. Сам воздух в пределах колец казался необычно чистым, совершенно прозрачным, несмотря на ветерок, гонявший по строительной площадке пыльные чертики. Вторая аномалия разлеглась под дальним вагончиком для строителей; он был разорван на длинные узкие лоскуты, раскрывшиеся ржавым «цветком», внутри которого непонятная сила собрала в высокий витой столб мусор, битое стекло, куски гнилого дерева и остатки самодельной мебели. Вблизи было слышно, как аномалия тихо и ровно выла на высокой ноте, и этот слабый звук то полностью пропадал в шуме легкого ветерка, то снова начинал висеть в воздухе негромким, но заунывным фоном. Детектор коротко попискивал, выдавая на экран желтый прямоугольник с восклицательным знаком и надписью «неизвестный тип аномального очага», и я решил ближе не подходить и не проверять гайкой границы. Мало ли как отреагируют на такие броски эти «неизвестные типы»…

За пределами голой, лишенной растительности стройплощадки, за штабелем плит никаких аномалий я не заметил, и там, где стояли вездеходы, даже зеленела молодая майская крапива и осока, а на камешках грелись под уже заходящим солнцем несколько тощих ящериц, двухвостых, с покрывившимися позвоночниками и наростами на теле. Проф долго замерял участок в разных диапазонах, но наконец дал добро и вот уже час пытался связаться с Яковлевым. Бондарев, поручив Корнейчуку до наступления темноты патрулировать лагерь, устроился на откидной койке, чтобы выспаться перед ночным дежурством. Нам с

Хип на время стоянки был выделен жилой отсек второго вездехода, и мы, вытащив из него два складных алюминиевых стула и кусок чистого брезента, занялись новым оружием. Сделать это следовало как можно быстрее – ужин и отдых подождут до тех пор, пока руки до автоматизма не привыкнут к, признаться, очень удобной штурмовой винтовке. Медленно, внимательно сделать неполный разбор, посмотреть канал ствола – нет ли внутри остатков пенопласта или смазки, так же медленно собрать, изучив каждую часть, каждое движение. К счастью, общая схема была знакома и привычна, и хоть и не жаловал я раньше западные «стволы» по причине их дороговизны и некоторой, но очень опасной «капризности» в Зоне, иметь с ними дело приходилось. По крайней мере до выхода немецких моделей армейским натовским образцам я предпочитал могучую штурмовую «Сайгу» под усиленный патрон двенадцатого калибра – и она ни разу не подводила в бою с разной зонной нечистью. Но дробовик, при всей его универсальности и силе боя, особенно «сваренными» лично мной хитрыми боеприпасами, все же почти не годился против других, более опасных тварей, пользующихся огнестрелом вместо клыков и когтей. А дополнительно таскать с собой точный нарезной ствол под малый калибр я не мог. Даже одна пушка за день по пересеченной местности, да с рюкзаком, могла нешуточно намять плечи, и вторую с собой брать было бы просто глупо – сталкер ни разу не Терминатор, и горб у него не титановый, а из мяса и костей сделан. Неприятная такая дилемма получалась: или автомат с собой берешь малокалиберный, который пулю точно и далеко запустит, но и серьезная тварюга не остановится от нескольких маленьких кусочков металла навылет. Или «Сайгу», из которой засевшего где-нибудь на крыше или в лесу архаровца ты уже не достанешь, а он будет лупить издалека и скорее всего точно. Значит, нужно было что-то третье. И как-то давно уже в баре угощался я законной порцией согревающего в компании с Фреоном и Хип – и месяца не прошло, как познакомился с ней, только начиналось все. И разговор про пушки зашел, а Фреон не простой сталкер был, а, что характерно, бывший инженер-конструктор, пусть и по ракетам, но, однако, в баллистике и прочем хорошо рубил. Ну и подсказал он мне, что альтернатива «Сайге» моей имеется, только недешевая весьма, да и раздобыть их сложно, тогда-то западного «контингента» по Зонам почти не имелось. Но если найдешь, говорил, немецкую или бельгийскую пушку, то бери, не жалей денег. Оно и надежно в Зоне будет, не в пример «юсовской», а вблизи не хуже твоего дробовика порвет. Скорости там без малого километр в секунду, и калибр подходящий, и сама пулька 5,56 хитрее, чем на первый взгляд кажется. И если, мол, она вблизи в тварюку какую залетит, то на такой скорости и гидроударом шваркнет, что даже кости иногда лопаются, и на фрагменты саму пулю растащит, в куски, значит, в шрапнель. Потом, время спустя, Фреон действительно подобной пушкой обзавелся, производства «Фабрик Насьональ»,

и, пока не пропал, только с ней и ходил. Запомнил я это, но потом или с деньгами туговато было, или у торговцев нет, редкость все же.

Хип, смотрю, со своим стволом тоже разобралась. И прицел уже поставила, видимо, втихаря сняла ACOG с какого-то автомата, пока оружие в вездеход грузили. Сидит, под себя приклад подгоняет, прицел лазером настраивает и майским цветом цветет – определенно, понравилось стажеру бельгийское изделие. Я, наверное, сейчас так же выгляжу. Особое место ствол в жизни сталкерской занимает, это факт. И отношение к нему соответствующее, ласковое и внимательное – саму жизнь пушка спасает, и днем и ночью с тобой, как боевая подруга. Отдельные бродяги им даже имена давали, чаще женские. Идет такой с Зоны, щетиной до самых глаз зарос, хмурый, грязный, и не отдыхать, нет, не к бару бежит и не хабар сливать, а СКС свой сразу к мастеру: что-то у Кеши затвор клинит, подлечи бедолагу. Знавал даже одного, который свой заказной, особенный «Армалайт» Ярославной называл к веселью всего сталкерского общества. Сам он, правда, парировал тем, что воины в сагах и разных других висах своим мечам тоже имена давали, и никто при этом не ржал по-конски, так как рыцари в старину в отличие от нас, лишенцев и баламутов, мозгов имели чуть больше и заодно понятия о чести и благородстве.

– Знаешь, Хип… такое дело, был у нас один веселый кадр, который потом в Челябинскую Зону подался. Он свою пушку по имени звал, да. Причем вполне серьезно. Типа, если у рыцарей мечи с именами были, то чем наши стволы хуже?

– А что в этом такого? – Девушка подняла бровь. – Мы очень даже его понимаем, правда, Скарлетт?

– Не понял?..

– Ее зовут Скарлетт, потому что звучит как «скар-эль». Для друзей – Кара.

– И ты туда же. – Я не выдержал и хохотнул, за что получил короткий беззлобный тычок под ребра. – «Сайгу» свою, поди, тоже называла как-нибудь? Признавайся уже давай.

Хип почему-то немного покраснела, отвела глаза, но при этом широко улыбнулась, сморщив носик.

– Ну… да…

– Колись!

– Маша… и хватит ржать, это не просто так, ну! Я помню, как рабочие дорогу ломали, и один такой говорит другому, мол, неси Машеньку, и тот здоровую кувалду ему припер. Ну, вот я и запомнила. Кувалда и есть, крепкая, сильная и бьет о-го-го. Как же жалко мне было с ней расставаться после Зоны, Лунь, в отдел сдавать. Ведь это еще и твой подарок был, я именно из нее первый раз стрелять училась. Я потом по Машке даже всплакнула немного.

– Тоже верно. Ну, Хип, еще не вечер. Может, и вернется к тебе твоя Маша, подожди.

– Новая? Не, новая уже не то. Интересно, кто сейчас с ней ходит, кому досталась? Давай, Лунь, назови тоже, интересно же.

– Ну, раз такое дело и если дама просит, то будешь ты у меня, дорогой ствол, зваться Херсталь в честь фирмы, которая Скарлетт выпустила.

– Эрсталь, первая буква вроде не читается. Неблагозвучно как-то, – строго отрубила Хип. – Тем более сталь в твоей пушке точно хорошая, зря ты так. Он ведь «Хеклер и Кох», да? Будет тогда Генрихом, потому что тоже немец. Для своих – Гек. Или Гена.

– Нет уж, моя пушка, мне и называть. Не нравится мне имя Генрих, прямо мирный бюргер какой-то получается, весь такой толстый, с пивом и сосиской. Пусть тогда уж Хакером зовется, по первым буквам. И взламывать будет не компы, а черепушки вредных и недружелюбных созданий. Хотя и компы при желании тоже взломать сможет, я думаю. Надежно, быстро и навылет.

– О, тоже дело. Хакер мне нравится. – Хип встала, сдвинула брови и выпалила рубленым грубым голосом: – Ихь бин Хакер Генрих из Германия. Яволь, Генрих деляйт пух-пух, маленький пулька клац-клац, монстрен унд бандитен кранкен шайзе хенде хох!

– Вы заснуть дадите, черти? – сквозь смех из вездехода послышался голос Бонда. – Сидят и травят, понимаешь, а когда я ржу, то спать почему-то не получается ни фига. Давайте идите уже обедайт-ужинайт. Рыцари, блин, с мечами.

– И то верно, давай тише чуток. – Я кивнул в сторону «нашего» вездехода. – Да и с утра реально ни одного перекуса.

Интересное дело. Не вспоминал я сегодня ни про завтрак, ни про обед, не до этого было, и голода не ощущается. А вот напомнил Бонд – и все, пошел процесс, как у собаки Павлова. Хип обнаружила в жилом отсеке встроенную микроволновку и комплекты одноразовых пищевых контейнеров. Так что с горячей пищей вопрос решился, несмотря на строгий запрет Зотова разводить какой бы то ни было огонь снаружи, так как, мол, и дрова здесь не совсем чистые, и нужно избежать даже малейшей вероятности пожара. Белорусская «каша гречневая с говядиной» из банки была готова за две минуты и оказалась действительно неплохой, а в научном продуктовом наборе нашлись хрустящие «сухарики» сублимированных фруктов и тюбики с разными паштетами. Хип заглянула в санитарный отсек и сразу вышла обратно с непомерным удивлением в глазах.

– Лунь, там это… там душевая кабинка есть. Совсем крошечная, но это она, точно… даже мыло с шампунем имеются.

– Не понял. А воду откуда брать? Я сильно сомневаюсь, что тут настолько хороший запас…

– А душ есть. Не просто ведь так. Надо бы разобраться, и Бонда будить не хочется.

Действительно, интересное дело получается. Ну, с энергией для той же микроволновки понятно – на вездеходе блок с анобом стоит в качестве маленького безопасного реактора. Но вода? Что-что, а про генераторы воды я ни разу не слышал, уж на что в Зоне хватает чудес, но такое даже здесь никак быть не может.

Разгадка обнаружилась быстро, на маленьком блоке управления рядом с дверью в «душевую». Небольшой экран мягко светил зеленоватым текстом: «объем

резервуара – 140 л заполнен. Атмосферный фильтр-конденсатор повышенного рабочего объема «Морозко» неактивен. Система фоновой очистки включена, режим интенсивности 5–15 % от номинального уровня. Все системы исправны».

Я провел пальцем по экрану, и текст сменился: «Относительная влажность забортного воздуха 84 %, температура 22,8°С. Расчетная мощность конденсатора при максимальной тяге 6,8 л/час. В настоящий момент запуск фильтра-конденсатора не требуется».

Ай да «ботаники», догадались, какая вода в Зоне самая чистая и откуда ее в любой момент достать можно. Конденсат, осевший водяной пар из воздуха, достаточно его как следует охладить, а энергии для этого тоже хватит. Просто и сердито… я вспомнил, каких денег стоили переносные мембранные фильтры, вспомнил все эти грязные колодцы в сталкерских лагерях, зеленоватую воду, которую никаким кипячением не очистишь от запаха и растворенной таблицы. И таскали мы с собой импортные и нереально дорогие фильтры или дешевые, но громоздкие «самогонщики»-дистилляторы, сразу отъедающие львиную часть рюкзака. Это в ближний поход можно парой пластиковых баклажек отделаться, а если дальний рейд? Ну а где иначе воду брать, если из местных ручейков да речушек ее часто не то что пить, а даже ботинком наступать иногда опасно? Воспитала Зона воду ценить, и поэтому с огромным уважением смотрел я на зелененькие буковки с веселым названием «Морозко». Даже уютнее, по-домашнему как-то в вездеходе стало. Совсем как в тот день, когда в нашем с Хип собственном доме из открытого крана впервые полилась в стакан яркая, чистая вода из нашей же артезианской скважины. Именно этот момент запомнился ярче всего. Сталкеры – они поймут.

– Вечером можно будет помыться, стажер, и это факт. – Я заметил, как просияло лицо Хип. – Вода здесь, как бы это сказать, не кончается. Только ты все сто сорок литров сразу не сливай, а то мне долго ждать придется.

Снаружи тихонько постучали. Я открыл дверь и заметил обеспокоенного Кору.

– Лунь… Лунь! Короче, я командира будить не стал, нельзя, ему ночью дежурить. Но, короче, слышь? Вон там, короче. Машины.

– Тихо! – Я поднял руку, и Кора замолчал.

И… да. Точно, моторы вдалеке, и не один. Слышно даже, как подвывают на ухабах движки. Чуть стихло, и… «та-тах… та-та-тах…» – короткая автоматная очередь, шелестящее эхо от которой расползлось по перелескам. И снова начали шуметь моторы, все тише, тише, пока звук совсем не растворился в легком теплом ветерке.

– Это… это стреляли? Да? – Корнейчук порывисто вздохнул. – Это же стрельба была?

– Нет. Пацаны петардами баловались. – Я подхватил свой «Хеклер», бросил на плечо ремень.

– Да ну… это точно выстрелы, – протянул рядовой.

– А чего тогда спрашивать, если сам понял? – Хип выпрыгнула из вездехода. – Руководи, сталкер.

– Заряди парочку магазинов, стажер, они на столике лежат, где патроны, знаешь. Рядовой, остаешься тут, охраняй командира и профессора. Я посоветуюсь пока с Профом и на вылазку, надо посмотреть, что там было.

Хип снова прыгнула в вездеход, Корнейчук, хоть и немного испуганный, но все же уверенно вцепившийся в автомат, сердито кивнул и прищурил глаза, а я отправился к Профу, тоже явно услышавшему выстрелы.

– Это не экспедиция, Лунь. Утверждаю совершенно точно, – тихо сказал Зотов. – Видимо, вы были правы, друг мой. Все очень похоже на то ваше предположение, которое вы отнесли к наихудшим. Караваны ходят, судя по всему, регулярно в те дни, когда у нашего отдела нет экспедиций. Я продумал этот момент. Контрабандисты не знают, что мы здесь. Им никто не сообщил, что произошло отклонение от графика и мы выехали раньше. Сейчас им тоже сказать некому – дальняя связь испорчена окончательно, боюсь, к ночи выйдут из строя гарнитуры наших ПМК и радиоуправление второго вездехода, его придется вести или по кабелю, или лазером. И полагаю, нам лучше экстренно завершить нашу экспедицию. Не хочу подвергать ваши жизни неоправданному риску, Лунь.

– Профессор… для вас важна эта экспедиция?

– Чрезвычайно важна, Лунь. Как и любая другая. Нам оставили слишком мало времени на полевые исследования, и я дорожу каждой минутой. Если бы не эти глупые правила…

– И для меня, Проф. Где-то здесь находится мой друг. Пусть она и не человек, но у меня есть основания считать, что она здесь и ей нужна помощь.

– Поддержу, – сзади подошла Хип, одной рукой обняв за плечи, а второй передав мне два снаряженных магазина. – Готово, Лунь. И я тоже готова.

– Вы твердо в этом уверены, сталкер? – И какой же у Зотова печальный взгляд. – Я прошу вас подойти к этому убеждению критически. Представьте, что это на самом деле может быть лишь фантомом сознания. Просто постарайтесь допустить такую мысль.

– Если мы не встретим Пенку, то, как я и обещал, загляну на огонек к психиатру и начну кушать таблетки, если он таковые назначит, Проф. Я от своих слов не отказываюсь.

– Только, чур, в палату на двоих. Лунь, если что, поделишься лекарством? – Хип уткнулась носом мне в шею, я почувствовал на коже легкое движение ресниц.

– Все шутите, сударыня. – Но Проф тоже слегка улыбнулся. – Сегодня к ночи, как проснется лейтенант, я собираю совет. Будем решать, прекращать ли наш выход в связи с новыми рисками, или попробовать продолжить.

– Проф, сразу говорю, что я остаюсь вне зависимости от решения совета. Вы можете уехать, оставив сухие пайки, воду и немного патронов. До тех пор, пока я твердо не буду убежден в том, что Пенки здесь нет, из ПГРЭЗ я не выйду.

– И я тоже, – твердо добавила Хип.

– В таком случае я, разумеется, тоже останусь, – Проф, как мне показалось, с большим облегчением сказал эту фразу, – а в бортовом журнале совершенно не обязательно писать об услышанной вдалеке стрельбе и звуках моторов. Я очень долго ждал эту экспедицию, чтобы повернуть назад в самом ее начале. А ребят можно будет отправить обратно на втором вездеходе, да. Я неплохо умею

водить «Спектр», хотя, конечно, до товарища Бонда мне далеко, но я уверяю вас, что справлюсь не хуже. Рядовой, вы слышали наш разговор?

– Так точно, слышал, – раздался голос Корнейчука из-за вездехода.

– Ваше мнение? Хотите вернуться?

– Хочу, – буркнул Кора. – Но не буду. И лейтенант не будет, знаю я его.

– Так в чем же дело?

– А врать не умею. С детства, – просто ответил Корнейчук. – Вот прикиньте, что бросим мы, военные, вас, профессора, в Зоне с автоматом и двумя сталкерами, а сами свалим в тепло, сопли на кулак мотать в казарме. А потом у меня через три месяца дембель. И, короче, поеду я домой, где меня невеста ждет и батя с мамой. И че я им расскажу, а? Как храбро прятался по кустам и от мародеров сбежал, хвост поджавши? У нас все пацаны служат, и только я один в Зоне из них. И тут да, страшно офигеть как, врать не стану, боюсь. Но тут я несколько дней боюсь, а это лучше, чем потом после службы постоянно бояться бате и друганам в глаза глядеть. Короче, ссыкунов у нас в роду не было, у меня прадед казак.

– Я же говорил, что он не совсем енот, – послышался сонный голос лейтенанта. – Молодца, боец, я в тебе не ошибся. А поспать так и не дали, черти. Полчаса только и покемарил. Об чем сыр-бор?

Профессор коротко пересказал про шум машин и выстрелы, и лейтенант сразу же ухватил свою «трофейную» винтовку и начал собираться.

– Не, Бонд, извини. – Нет, не возьму я с собой лейтенанта. Сдается мне, хороший он мужик, опытный и с оружием ладит, но ведь помрет там. Остро чувствую, что помрет, так что пусть от вездехода не удаляется. – Я пойду сам, там Зона, оно мне привычнее.

– Сам, но только со мной, – буркнула Хип, рассовывая магазины в карманы разгрузки «Покрова».

– Ладно. – Я покосился на девушку, но спорить не стал, так как давно и железно понял, что это без толку. Если Хип решила в рейд, то она пойдет в рейд, и любой запрет должен быть для нее действительно весомым и аргументированным, остальные просто не работают. – Я иду с напарницей, но сам. Бонд, будь другом, останься, прикрой лагерь. Ты здесь намного нужнее.

– Это верно. Сделаем. – Лейтенант кивнул. – Кора, позиция за плитами, от тех кустов и до канавы – твой сектор, и не спать. Я послежу за площадкой. Проф, если что, на землю и под вездеход, он крепкий. Удачи, сталкеры. Будете возвращаться, двойной свист изобразите, чтоб я по вам не пальнул невзначай.

– Принято. Выдвигаемся, стажер.

Переправляться пришлось на ту сторону канала. Мост был в состоянии недостроя, но балки были уложены на вбитые сваи, и, балансируя на узких бетонных тропинках над зловонной черной водой, нам удалось перебраться на тот берег. Густые заросли колючего кустарника и многолетний, слоями слежавшийся бурьян нависали над кромкой воды, полностью закрывая землю, и в непроходимой путанке стеблей гнили упавшие тополя, большей частью совсем трухлявые. Некоторые деревья еще стояли, хоть и покрылись глубокими дуплами и совсем оголили от коры верхушки, и я рассмотрел множество грачей и ворон, сидящих на ветках. Птицы сидели неподвижно и в совершенном молчании, ни одна из них не встрепенулась и не повернула головы. Что-то было с ними явно не так, и, в несколько раз уменьшив расстояние мощной оптикой, я понял, что именно. Маленькие пустые дырочки вместо глаз, оголившиеся кости надклювья и крошечные белые «лысинки» там, где кожа слезла с черепов… похоже, что на ветках вместо грачей и галок сидели их высохшие, покрытые перьями мумии. Почти все бывшие птицы замерли в тех позах, в которых застала их смерть, но некоторые, словно акробаты, зависли вниз головой, по-прежнему держась за кору окостеневшими пальцами. Опустив взгляд вниз, я заметил, что и в бурьяне, и на упавших деревьях то тут, то там чернели перья, торчали пеньки отломившихся лап и хрупкие белые кости. Две гайки послушно улетели в кусты и, конечно, окончательно там затерялись, но никаких признаков аномалии я не заметил. Что же, посмотрим так, расслабленным, «общим» взором, чуть, самую малость расфокусировав глаза. И смотреть, уделяя большое внимание боковому зрению, позволив взгляду совершенно звериным образом избавиться от мыслей и пустить его «плавать» по пейзажу, отдав на волю инстинктов и предчувствий. И никаких протестов, не окатывает противным морозцем между лопаток, не скандалит «сталкерский» зверек на самом дне сознания.

– Хип?

– Вроде чисто… не вижу ничего такого. Если что-то их убило, то или давно, или не аномалия, – тихонько отозвалась стажер. – Я вперед, прикрой.

– Добро, выдвигайся.

И девушка легко и ловко соскочила с балки на поваленный ствол, быстро восстановила равновесие и уже рассматривала в оптический прицел мрачные заросли, перевитые хмелем.

– Прикрываю, Лунь.

Подо мной старый подгнивший ствол уже глухо кракнул, где-то натужно, сухо треснуло, но упавший тополь выдержал. Еще одна гайка, мотнув хвостом из пленки, улетела в кустарник, хорошо улетела и правильно легла, значит, и нам за ней можно двигаться. Жаль только, что кусты и молодые деревца сплелись в густую чащобу, через которую пролезть, конечно, можно, но треску будет…

– Лунь, давай я первая. Я поменьше, снизу проскочу и заодно разведаю, – шепнула Хип, и я кивнул. Хотя почти каждый раз, когда стажер вперед уходит, чувствую за грудиной неприятную такую щекотку. Всегда страшновато за нее. Голова-то понимает, что дева эта по Зоне с тобой отмотала не одну сотню километров, и не подведет ее чутье, а сердце все равно екает, и чуть громче в горло отдавать начинает. Ты уж береги себя, чудо глазастое, если без этого никак, если одному мне в Зону уйти ты нипочем не позволишь. Знаем, проходили, хотя, видит небо, я бы дорого заплатил, чтоб ты дома осталась. И она, уверен, думает точно так же, но уже в отношении меня. Сколько раз видел я ее глаза удивительные с печальным блеском таким, с влагой, когда, оставив Хип в тылах, уползал прощупать тропинку под «чертовой сетью» или между «костоедами». Так что просто береги себя, Хип, если уж синдром у нас такой особенный, один на двоих, и никуда от него не деться. Зона, поганка, умеешь ты приворожить своими темными сказками.

И полезла Хип между стволов чахлого ольшаника, гибко просачиваясь под низкими ветвями, замирая, осматриваясь, и вперед снова, дальше. И ведь действительно ловчее у нее вышло, хорошо идет. Отведи глаза, и не различишь тихое потрескивание под тонкой ногой на фоне слабого лесного шума.

Пропала… минута, еще одна. Фух, возвращается, но уже с чуть более громким хрустом, не особенно сильно таясь. Значит, мне тоже можно.

– Лунь, там дорога есть, грунтовка старая, заросшая. И… в общем, что-то впереди.

– Понял. За мной.

И да, дорога. Насыпь в прошлогодних будыльях репейника и свежей майской траве, и эта же трава гривой по самой дороге – грунтовки зарастают в Зоне довольно быстро. Только видно, как легли стебли двумя заметными колеями, и, по некоторым признакам, по следам шин у поворота и в глинистой лужице вижу, что машин было три, с широкими колесами и высоким клиренсом. Хорошо вдавило траву, не скоро поднимется, а грунт продавлен у лужи несколько больше, чем простой легковушке положено, и на ухабе след тяжелый такой – явно хорошо нагруженные авто шли. А вот и гильза, свежая 7,62 в зеленом лаке, и еще одна, припахивают чуть солоноватым запахом сгоревшего бездымника. Кровь… сбрызнуты ветки низкой ивы, и на траве видно, а вон и сама туша лежит весьма неприятного вида.

Чем оно было при жизни, точнее, кто был предком, сказать уже невозможно. Мускулистое, почти шаром, узловатое тело в жесткой спутанной шерсти с обширными залысинами, причем и шерсть, и голая шкура были одинаково черного цвета. Под тварью натекла яркая алая лужа, и чуть похрюкивало и сопело пулевое отверстие в боку, покрытое шапочкой розовой пены. И бегают под шкурой судороги еще живых мышц, чуть елозят три длинные, костлявые лапы в кустах, и дрожит в воздухе обрубок четвертой, передней, с крошечными корявыми коготками. А вот башка для такого тела какая-то мелкая. Несуразная, что ли, с единственным мутным глазом посреди складчатого лба, и не заметна она была бы на фоне тела-шарика, если бы не челюсти. Из двух огромных вздутых десен розового цвета, буквально растащивших пасть твари в гротескный оскал, торчали в разные стороны несколько длинных тупых зубов, больше похожих на рога. На самом длинном и толстом клыке, копьем торчащем вперед из нижней челюсти, виднелись следы автомобильной краски. Однако. Надеюсь, вас тут не стая ошивается…

– Все, Хип, пошли назад, – тихо сказал я, исследуя в прицел придорожные заросли.

– Сейчас… ну и тварина… – Девушка быстро «щелкнула» тушу на камеру ПМК. – Еще один караван?

– Да, теперь это точно. Шли, как мне кажется, с грузом и охраной. Теперь аккуратно сматываемся, зверюг этих здесь может быть не одна, а вполне себе стайка, причем бесстрашная. Эта вон на авто кинулась, краска на зубах.

– Ага, пошли отсюда. – Хип охотно кивнула, и мы аккуратно вернулись по своим следам назад и тем же путем дошли до «нашего» берега. Хип не громко, но задорно свистнула два раза, чтоб предупредить Бонда.

– Проф, были мы там, – без промедления сообщил я профессору. – Это контрабанда, к гадалке не ходи. Три машины, внедорожники или легковые вездеходы, груженые. Охрана как минимум с автоматами.

Я поставил на переносной столик гильзу.

– Стреляли в мутанта. Взгляните, Проф. – Хип протянула ПМК, и Зотов кивнул.

– Местный кабан, надо полагать, и любопытная форма… свиньи здесь отличаются невероятным разнообразием. Единственно, не понимаю, как оно питалось с таким черепом, но предполагаю глоточные челюсти либо наружное пищеварение. М-да, печально, друзья мои. Я до последнего надеялся, что это еще одна, возможно, не заявленная заранее экспедиция или наши физики. У них машины поменьше, «зверинец» им не нужен.

– У нас в части нет оружия под такой калибр, – добавил Бонд, крутя в руках гильзу. – Хотя не помешало бы. Одного не понимаю… почему они такими малыми группами идут? Там две машины, тут три было. Раз в Зоне нас сегодня вроде как быть не должно, почему бы им полноценный рейс не устроить?

– Думаю, так они менее заметны. Да и у отдельных малых групп в Зоне шансы выжить значительно выше, чем у одной большой, не раз замечено. Если их ведут сталкеры, а это скорее всего так, они могут идти даже разными путями.

– Да… круто. – Бонд хмыкнул, откинул гильзу и с прищуром осмотрел вечернее небо. – И связи по нулям, уже и ближняя на ПМК начинает мудрить. Такое дело,

братцы. Первую половину ночи мы с Корой дежурим, вторую – товарищи сталкеры. Проф, вы просто спать будете, и без возражений. Хоть бы пронесла нас нелегкая, робяты, и ни в кого стрелять не пришлось. Не люблю я это дело.

– Если вдруг ночью нужно будет выйти, ни в коем случае не удаляйтесь от вездехода дальше десяти метров, – тихо добавил Зотов. – Но лучше не выходить совсем. Внутри есть мониторы, а снаружи вывешиваются ночные камеры, все будет видно.

– Принято. Вопрос появился у меня, Проф. Есть ли на вездеходе хоть какое-нибудь бортовое оружие? Ну, если на стаю серьезных тварей нарвемся, чтоб отмахаться можно было?

– Нет, к сожалению, не предусмотрено, это научная, а не военная машина, – профессор вздохнул, – таковы требования. Впрочем, кое-что имеется, хотя это и не оружие в прямом понимании этого слова. Акустические пушки на сто двадцать децибел, но могут выдать и сто сорок. И мощные ксеноновые разрядники в комплекте, дают серии весьма ярких, можно сказать, слепящих вспышек. В момент работы рядом с вездеходом лучше не стоять, это факт.

– Ага, тварюшек светомузыкой пугать, да, Проф? – усмехнулась Хип.

– Это работает, верно. Называется эта система «Звон-10», но мы прозвали ее «Рахманинов», – улыбнулся профессор. – И что самое интересное, наибольший эффект имеют не штатные звуковые ряды пушек, которые, к сведению, мало кого пугают, а трансляция песен и музыки из старых советских мультфильмов на максимальной мощности. Любые, даже самые агрессивные животные врассыпную сразу. Минутку…

Профессор забрался в передний вездеход. Через несколько секунд в верхней части бортов с жужжанием поднялись по два «крыла» с каждой стороны. На панелях были установлены крупные серебристо-блестящие динамики странной формы и выпуклые ребристые линзы с ксеноновыми вспышками. Еще по четыре трубки, на этот раз металлических, было по краям панели. Крылья немного подвигались, словно наводясь на кусты и строительный мусор, и с таким же тихим жужжанием закрылись.

– А это что, Проф? – Я указал на панель.

– Это?.. Это всего лишь дополнительные сигнальные ракеты на случай бедствия. Не оружие, разумеется, хотя и летают высоко, чтоб с вертолетов видно было. Заодно и пугануть особо настырных образцов, если вдруг песни не помогут.

– Сталкеры, перекус и на боковую во второй вездеход, – строго приказал Бонд, вышедший из машины с пучком проводов и пластиковым чемоданом. – Засветло ложитесь, и по заданию хорошенько давить массу. В три ночи я вас подниму, учтите.

Упрашивать себя мы не заставили, и я заварил чай, а Хип мигом убежала в душевую кабинку. Через некоторое время над потолком что-то тихо, мягко зашумело – включились вентиляторы установки. Вездеход незамедлительно начал восполнять запас воды. Вышла девушка не скоро, но очень довольной и словно отдохнувшей, уже облаченной в легкий костюм из серого, некрашеного льна с символикой Института на нагрудном кармане.

– Знала бы, фен захватила, – усмехнулась Хип, подсушивая волосы белым вафельным полотенцем из вездеходных запасов. – Давай, Лунь, я, кажется, не всю воду слила, как ты и просил. Душ довольно экономный, хочу сказать. И вообще… я бы год в Зоне пахала двадцать четыре на семь, чтобы хабара на такую машину собрать. Фиг с ним, пусть бы даже без колес и двигателя, но чтоб с такой вот кабинкой. Тут жить можно, сталкер.

– Это точно. Можно, если клаустрофобии нет. И кемпинги я как-то не сильно жалую, воздуху в них мало.

– Ви есть слишьком много кушайт. – Хип, «спрятавшись» за моим «Хеклером», начала его немного раскачивать. – Генрих есть удивлен таким привьереда сталькер.

– В том смысле, что зажрался? – улыбнулся я.

– Йа, йа. Натюрлих.

– Ну, все, стажер, допрыгалась, – сказал я, добавив злости в голос. Хип со смехом попыталась увернуться, но у нее это не вышло, и я дотащил брыкающуюся девушку до откидной койки. Затем, правда, не без труда, «упаковал» в кокон из

одеяла и уложил, подавив всякое сопротивление.

– Ага, ну конечно… справился со слабой, ну да… – услышал я сквозь смех, и из одеяла задорно глянули синие глазищи, в которых искрами носились веселые чертики. – Ну, все, поймал, ладно-ладно, не очень-то я и старалась свалить. Подчиняюсь грубой силе и сдаюсь. Распаковывай уже.

– Так кто зажрался? – строго спросил я.

Вместо ответа Хип коротко прижалась ко мне щекой, я почувствовал свежую прохладу еще не просохших волос и тепло кожи.

– Давай в душ, Лунь, – шепнула она, – я тебя жду.

* * *

Я проснулся за несколько секунд до того, как в дверь вездехода снаружи негромко постучали. Интересная штука – эти самые «внутренние часы», не перестает она меня удивлять. Если задумал, твердо решил подняться в половину седьмого, то можно и будильник не ставить – выныриваешь из сна как раз в тот момент, когда стрелка пересекает нужную минуту. Не забыть бы Профа спросить, что это за машинка такая в голове, он-то знает.

Хип зашевелилась, тихонько скрипнула сонным голосом, потянулась, глубоко вздохнула и, сев на кровати, стала заплетать волосы в плотную «походную» косу. А я смотрел на плечи, на тонкие руки и едва заметную ложбинку на спине.

– Вставай, Лунь, просыпайся. – Хип повернулась, хмыкнула. – Так ты и не спишь уже. Что это ты до сих пор с какой-то картонкой в руках? И ночью вставал, записывал что-то.

– Вставал? Да ну, это вряд ли… – Я покачал головой, поднял руку, и с койки на пол свалился кусок упаковки от армейского сухпайка.

– Рассказывай. – Хип ловко надела футболку и начала облачаться в «Покров-2», – Сидел на кровати и ручкой что-то чертил, спать не давал. Пока не отобрала и силком обратно не уложила. Для планов утро есть, сталкер, а ночью спать надо.

Что ты так на меня смотришь?

Я, ничего не ответив, подобрал картон. Да, рисунок, на удивление корявый, детский какой-то. Водонапорная башня картофельной толкушкой, два дома, дерево, и раздваивается ствол у самых корней. И полосатая не то пирамида на кубике, не то крыша на палках или, там, ножках, не разберешь. А слева от странного дома девочка в платье-треугольнике, подняла руки-грабли, из которых одна ну очень длинная.

– Так ты не помнишь… – на выдохе прошептала Хип. – Но это ты чертил. Я видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/klochkov_sergey/novaya-zona-sindrom-zony

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить